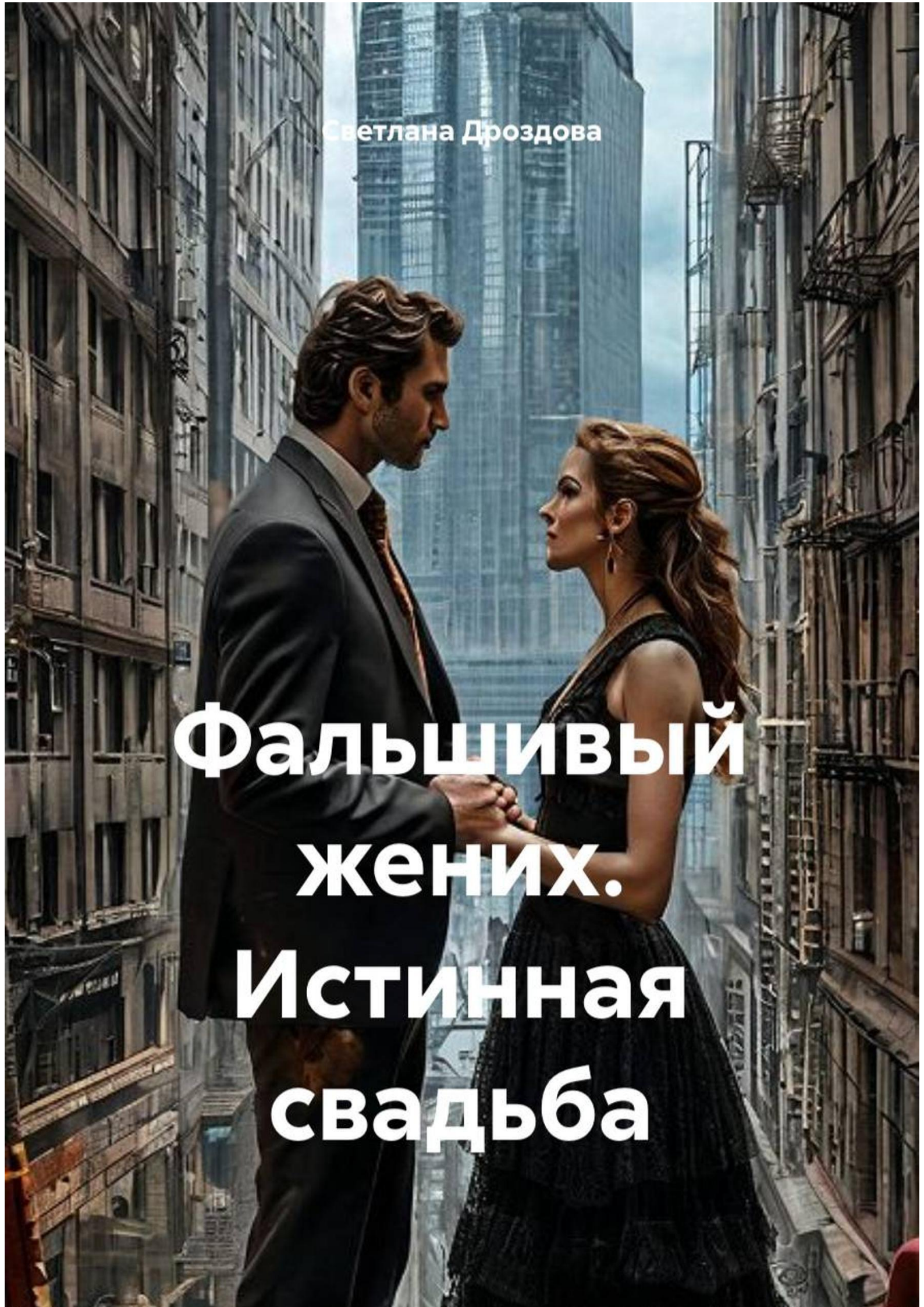

A man and a woman are standing on a rooftop in a city, looking at each other. The man is wearing a dark suit and a patterned tie, and the woman is wearing a black dress. They are holding hands. In the background, there are tall buildings, including a prominent glass skyscraper. The scene is set during the day with a clear sky.

Светлана Дроздова

Фальшивый жених. Истинная свадьба

Светлана Дроздова

**Фальшивый жених.
Истинная свадьба**

«Автор»

2026

Дроздова С. В.

Фальшивый жених. Истинная свадьба / С. В. Дроздова —
«Автор», 2026

Она — актриса без ролей и денег, живущая в дешевой студии и скрывающаяся за маской дерзкой выживальщицы. Он — король стеклянного небоскреба, архитектор империи, чья «пустота» была оружием до тех пор, пока хаос не постучался в дверь. Их встреча — не любовь, а жестокая сделка, где каждый играет свою роль. Но когда рушатся финансовые башни и против них объединяется целый мир, игра перерастает в войну, где ставка — не деньги, а право быть настоящими. «Анатомия пустоты» — это роман-балет, где страсть — это грация падения, а слова — реквизит для смертельного танца. Цена победы — потеря всего. И приобретение себя. Смогут ли двое банкротов, у которых отняли все, кроме друг друга, переписать сценарий судьбы? Ответ — за гранью контракта, там, где начинается жизнь.

© Дроздова С. В., 2026

© Автор, 2026

Светлана Дроздова

Фальшивый жених. Истинная свадьба

Глава 46. Анатомия пустоты

Часть 1. Эстетика вакуума (10:00)

Звук, с которым открылись двери личного лифта в пентхаусе Максима Воронова, не был звуком возвращения домой. Это был звук втягивающего вакуумного насоса, поглощающего кислород и заменяющего его стерильным озоном дорогого климат-контроля.

Москва встретила его свинцовым небом. Не тем живописным зимним пейзажем, что укрывал родовое гнездо Вороновых в Серебряном Бору — там снег лежал бархатными шапками на лапах вековых елей, а воздух пах дымом и хвоей. Здесь, на высоте сто пятидесятого этажа башни «Федерация», зима была диагнозом. Серый промышленный смог смешивался с ледяной взвесью, превращая город внизу в размытую акварель умирающего импрессиониста.

Автоматика сработала безупречно, как швейцарский механизм смерти. Сенсоры распознали биометрию хозяина. Шторы из плотного блэкаута начали свое медленное, торжественное разъезжание, обнажая панорамное стекло во всю стену. Максим шагнул вперед, к самому краю невидимой пропасти. Под ногами — полированный бетон оттенка мокрого пепла. Впереди — бездна.

Он стоял неподвижно несколько минут. Его дорогое пальто из шерсти альпаки стоимостью в годовую зарплату среднего менеджера тяжело свисало с плеч. Он забыл снять его в гардеробной. Забыл всё. Мозг, натренированный обрабатывать терабайты данных за секунды, сейчас выдавал системную ошибку «File Not Found». Файл под названием «Дом» оказался поврежден.

Тишина здесь имела вес. В поместье деда тишина была живой — она состояла из скрипа половиц, далекого звона антикварных часов и мурлыканья кота Барса. Здесь же тишина была мертвой. Она звенела в ушах высокочастотным гулом работающей электроники, спрятанной за стеновыми панелями. Дом слушал сам себя.

Максим сбросил пальто прямо на белоснежный дизайнерский диван. Ткань упала бесформенной грудой, нарушая строгую геометрию интерьера. Этот акт мелкого вандализма принес секундное облегчение, похожее на ломку наркомана, сделавшего первую затяжку после недели чистоты. Броня сползла вместе с кашемиром.

Он прошелся по комнатам. Кабинет встретил его идеальным порядком. Стол из цельного массива дуба девственной пустотой напоминал прозекторскую. Ни одной лишней бумаги. Мониторы выключены, но их черные экраны отражали его собственное лицо — бледное, осунувшееся, с тенями, которые невозможно было купить ни в одном концепт-сторе ЦУМа.

В спальне он остановился перед стеной встроенного гардероба. Двери из матового стекла отъехали в стороны с тихим пневматическим вздохом. Внутри висели они. Ряды черных костюмов. Идеально отглаженные рубашки цвета свежeweыстиранной кости. Галстуки, завязанные сложными узлами, ожидающие своего часа, как петли.

Это была униформа. Спецдежда для человека, который давно перестал быть человеком. Максим протянул руку, пальцы замерли над вешалкой. Память подкинула флешбэк, обжигающий своей неуместностью: оранжерея. Полумрак. Запах Рахманинова из старого граммофона. Ева стоит спиной к нему, выбирая платье Пьеро из театрального сундука. На ней нет корсета, только тонкая майка, сквозь которую проступают острые лопатки. Она дышит паром в холодный воздух.

«Ты двигаешься так, будто собираешься провести аудит моего позвоночника!»

Её голос прозвучал в голове так ясно, что Максим рефлекторно обернулся через плечо, словно ожидал увидеть её отражение в стекле. Но за стеклом была только Москва. Серая, равнодушная, жрущая людей миллионами.

Он отдернул руку от костюма, словно тот ударил током. Развернулся и вышел, громко хлопнув дверцей шкафа. Звук удара дерева о дерево эхом отразился от голых стен. Впервые за пять лет идеальный акустический баланс квартиры был нарушен живым проявлением гнева.

Часть 2. Синдром отмены (11:30)

Кабинет принял его обратно, как принимает морг нового постояльца. Максим упал в кресло главы корпорации. Кожа высокой спинки привычно холодила затылок. Он нажал кнопку запуска системы. Мониторы вспыхнули один за другим, заливая лицо синим мертвенным светом.

Красные графики падали в бездну. Индекс «ТрансЛогистик» пробил очередное дно. Штейн бил прицельно, используя блокировку офшоров Кайманов как удавку. Без доступа к ликвидности у них оставалось сорок восемь часов до объявления технического дефолта синдиката.

Обычно в такие моменты Максим чувствовал азарт хищника. Кровь закипала, адреналин выжигал лишние мысли, оставляя лишь чистую логику алгоритма. Сейчас логика буксовала. Экран расплывался. Он потерял переносицу, пытаясь сфокусировать зрение, но взгляд снова и снова цеплялся за правый нижний угол стола.

Там стояла чашка. Обычная белая фарфоровая чашка с отколотым краешком. Та самая, из которой вчера утром пила Ева. Он запретил охране и прислуге трогать её. Глупость. Сентиментальность. Фатальная уязвимость СЕО уровня Воронов. Если бы Елена Петровна увидела это... Впрочем, Елена увидит всё на записи камер наблюдения. Скрытая аналоговая камера в малой гостиной писала круглосуточно. Архив уходил прямиком на личный сервер службы безопасности.

Телефон на столе завибрировал. Внутренняя линия. Красный приоритет.

— Слушаю, — голос Максима звучал ровно, но в нем отсутствовала та стальная опора, которая заставляла акционеров замирать.

— Макс, это Лена. Мы потеряли визуальный контакт с объектом «Лаврова» три часа назад. Леонид Григорьевич перевел гостевое крыло на автономный контур. Камеры слепы. Охрана периметра подчиняется напрямую ему.

Максим медленно положил стилус. Деревянный кончик треснул в его пальцах с сухим щелчком.

— Что значит «слепы»? — спросил он тихо. Это была опасная интонация. Интонация человека, которому только что сообщили, что его конечности больше не принадлежат ему.

— Дед активировал постановщик помех старой школы. Радиус действия совпадает с чертежами времен КГБ. Мы ничего не видим и не слышим. Спутниковый канал забит белым шумом. Объект изолирован полностью.

Паника пришла не оттуда, откуда её ждали. Максим не боялся за Еву физически — старый волк Леонид скорее перегрызет горло собственной дочери, чем позволит тронуть свою новую фаворитку. Страх был другого рода. Эпистемологический ужас. Потеря контроля над данными. Всю жизнь Максим строил империю на информации. Знать всё. Видеть всех. Предсказывать реакцию рынка по дрожанию ресниц конкурента. А сейчас центр управления полетами сообщал: «Соединение разорвано».

Он остался без глаз внутри собственного дома.

Следующий звонок был финансовым. Начальник казначейства говорил быстро, глотая окончания слов:

— Господин Воронов, Гонконг лег. Токио выставил маржин-колл. Если мы не предоставим обеспечение по кредиту «Горизонта» до открытия торгов завтра утром, кросс-дефолт накроет весь холдинг. Нам нужно решение по Измайлову. Прямо сейчас.

Решение. Всегда нужны решения. Давление воздуха в кабине падает, маски выпадают сверху. Наденьте сначала на себя, потом на ребенка. Только вот Евы рядом не было, чтобы надеть маску на него. Раньше она просто входила в кабинет. Молча. Приносила кофе в турке, сваренный вопреки всем правилам пожарной безопасности прямо на приставном столике. Ставила чашку. Её пальцы случайно касались его руки. И цифры переставали плавиться. Адреналин отступал, потому что мозг получал сигнал: «Территория безопасна. Хищник рядом. Можно выдохнуть».

Сейчас выдыхать было некому. Воздух в кабинете стал густым, как смола. Максим оттолкнулся от стола и встал. Прошел к бару. Достал тяжелый хрустальный стакан. Лед — идеально ровные кубики из дистиллированной воды. Виски. Сорокалетний торфяной монстр обожг горло, проваливаясь в пустой желудок. Тепло пришло, но оно было чужеродным. Химическим. Оно грело пищевод, но оставляло душу мерзнуть в стеклянной коробке небоскреба.

Он подошел к окну. Прижал горячий лоб к ледяному триплексу. Город внизу жил своей жизнью. Миллиарды сердец бились вразнобой. Ему казалось, что он слышит этот гул даже отсюда. Хаос. Отсутствие структуры. То, чего он всегда боялся. То, что Ева носила внутри себя, как знамя.

Часть 3. Фантомные боли (13:00)

Желудок свело спазмом. Голод пришел внезапно, выбив остатки профессионального транса. Максим ненавидел голод. Голод означал потерю фокуса. Потеря фокуса означала смерть.

Он направился на кухню. Сердце этой квартиры представляло собой шедевр промышленного дизайна: нержавеющая сталь, черный гранит, отсутствие ручек. Лаборатория калорий. Автоматика узнала профиль владельца. Машина загудела, перемалывая зерна элитной арабики.

Запах наполнил пространство. Горький, густой, мужской. Максим поморщился. Обоняние — самое коварное чувство. Оно не спрашивает разрешения перед тем, как ударить в солнечное сплетение памяти.

Вчера. Оранжерея. Тот момент, когда он учил её дышать. Стоял вплотную, чувствуя каждый её вдох. От неё пахло пылью старых театральных костюмов, дешевой пудрой и страхом. Живым, животным страхом темноты. А когда она расслабилась в его руках, запах изменился. Пошел жар сухой травы и меда.

Она тогда отобрала у него управление кофемашиной. Сказала, что пить эту «смолу нефтяников» невозможно. Долила теплого молока из крошечного серебряного молочника, стоявшего тут со времен бабушки Максима.

— Сахар убивает сосуды, — процитировала она Марию Петровну, кривляясь. — А тебе нужно чистое сознание для дачи показаний.

Максим смотрел на пар, поднимающийся из его идеальной черной чашки. Эспрессо. Плотная крема. Температура шестьдесят градусов. По учебнику.

Он взял чашку. Посмотрел на черную гладь жидкости. Вылил всё содержимое в раковину из черного композита. Звук всасываемой воды показался оскорбительно громким.

Он открыл холодильник. Белое нутро осветилось. Продукты, расставленные по категориям согласно принципам макробиотики. Никаких углеводов после шести. Никакого лактозного мусора. Контроль. Вечный контроль.

Рука потянулась мимо лотков с органическими овощами. Пальцы сомкнулись на горлышке бутылки Laphroaig. Десять лет выдержки. Торф, йод, фенолы.

Стакан он мыть не стал. Налил прямо поверх растаявшего льда и остатков прежнего напитка. Алкоголь обжег губы. На зубах захрустел песок — микрочастицы замерзшей грязи московской зимы, которые он вдохнул по дороге от вертолета.

Максим пил стоя. Смотрел на свои часы. Patek Philippe Grandmaster Chime. Сложнейший механизм в мире. Стрелки отсчитывали секунды его одиночества с издевательской точностью. Прошло четыре часа с момента закрытия дверей лифта. Четыре часа минус десять лет жизни.

Холод начал проникать под кожу. Кондиционеры работали на плюс двадцать два. Для любого другого человека это комфорт. Для Максима сейчас это была температура склепа. Он вдруг понял, что квартира промерзает изнутри не из-за настроек климата. Стеклопакеты удерживали тепло тела. Два тела генерируют достаточно энергии, чтобы согреть ангар. Одно тело теряло тепло быстрее, чем батареи могли его восполнить. Закон термодинамики применительно к социопатии.

Он отставил бутылку. Пошатнулся. Ноги были ватными. Адреналиновый отходняк после вчерашнего спектакля в библиотеке догнал его именно сейчас, когда искусственные стимуляторы закончились.

Пульс замедлялся слишком быстро. Так останавливается сердце пойманной птицы, когда хищник перестает сжимать когти. Организм сдался.

Максим добрел до дивана. Упасть на идеальные шелковые подушки ручной работы показалось кошунством. Он сел на пол, привалившись спиной к мягкой коже. Бетонный пол под ним был ледяным даже через шерсть брюк.

Закрыв глаза. Темнота за веками не была спасительной. Там, в темноте, жила другая темнота. Комната в коммуналке. Девочка Ева под кроватью, сжимающая нож. Запах кошачьей мочи и страха.

«Я ненавижу темноту. В ней звуки громче...»

— Заткнись, — прохрипел он в пустоту квартиры. — Просто заткнись.

Но голос продолжал звучать. Теперь она говорила другое. Из коридора. Позапрошлой ночью. После поцелуя, который едва не сжег дом дотла.

«А твоя пустота перестала быть безопасной».

Он ударил кулаком по полу. Один раз. Сухо, болезненно. Боль в костяшках отрезвила. Физическая боль — единственное доступное лекарство от фантомной ампутации души.

Часть 4. Вторжение реальности (15:00)

Звонок вошел в сознание красной вспышкой на периферийном мониторе умных очков, которые он надел, сев за стол. Совет директоров. Экстренный протокол «Омега». Голосовой вызов.

Максим активировал связь. Лицо появилось на огромном экране стены. Двадцать квадратов. Двадцать пар глаз. Мария Петровна смотрела с четвертого квадрата слева. Её изображение слегка запаздывало из-за шифрования, отчего казалось, что она постоянно морщится от запаха, которого нет.

Кречетов, главный цербер семьи Измайловых, занимал центральный слот. Его галстук сегодня был цвета венозной крови.

— Господа, — начал Кречетов голосом, которым бальзамировали фараонов. — Перейдем сразу к пункту повестки номер четыре. Субсидиарная ответственность активов госпожи Лавровой.

Максим почувствовал, как желваки на челюсти заходили ходуном. Костяшки пальцев, лежащих на столешнице, побелели.

— Активы госпожи Лавровой находятся вне юрисдикции текущего собрания, Игорь, — произнес Максим. Ровно. Опасно.

— Напротив, господин Воронов, — улыбнулся Кречетов. Улыбка не затрагивала глаз. — Поскольку брак признан фиктивным ввиду отсутствия совместного ведения хозяйства более тридцати дней до регистрации...

— Мы женаты две недели, идиот, — перебил Максим. — Срок поквартирной проверки еще не истек.

— ...И ввиду ареста счетов компании «Lavrova Stage», оформленной на объект уже после наложения обеспечительных мер кредиторами «СтройВека», — продолжил Кречетов, игнорируя выпад, — данные активы квалифицируются как мошенническая схема вывода капитала. Налоговая служба готовит иск. Уголовный розыск выписывает ордер.

Мария Петровна удовлетворенно кивнула сама себе. Сделала пометку золотым Parker'ом в бумажном блокноте. Использование бумаги в эпоху цифровизации было её личным способом показать презрение к собеседникам.

Максим смотрел на экран. Он видел лица юристов, аналитиков, миноритариев. Они ждали шоу. Ждали, как наследник империи будет извиваться, защищая девчонку с улицы. Стандартный сценарий предполагал жертву пешкой. Аннулирование брака ради спасения холдинга. Выплата компенсации Еве в пару миллионов евро и билет в один конец до Новосибирска.

Его палец лег на сенсор отключения микрофона. Замер.

Если он отключит звук сейчас, они решат, что он сломлен. Если начнет кричать — подтвердят слабость. Нужен был другой калибр. Калибр оружия главного калибра.

Микрофон оставался включен.

— Книга, — сказал Максим в наступившей тишине.

— Простите? — Кречетов моргнул.

— Анна Сабурова. «Цена чистого имени». Неопубликованная рукопись. Глава седьмая. Как таблетки мужа разбавляли мелом, пока он сходил с ума от долгов, которые ты, Игорь, помогал ему прятать от налоговой. Я помню этот текст. Ты читал мне вслух отрывки, когда думал, что я пьяна настолько, чтобы забыть.

По ту сторону экрана началось движение. Кто-то зашуршал бумагами. Лицо Марии Петровны превратилось в гипсовую маску ужаса. Она знала о существовании книги. Шантаж ею был главным крючком, на котором семья Измайловых держала балерину все эти годы.

— Издательство «Глобус» разорилось, — продолжал Максим, наслаждаясь каждым словом, как хорошим вином. — Права выкупил фонд поддержки молодых дарований. Зарегистрирован на Кипре. Учредитель — номинальное лицо юридической конторы вашей матери, Игорь. Какой милый семейный подряд. Держать бывшую невестку на коротком поводке угрозой публикации порнографических подробностей финансового краха моей семьи. Очень благородно.

Кречетов попытался перехватить инициативу:

— Это подделка! Монтаж!

— Это литература, — мягко возразил Максим. — Искусство. Разве не за свободу творчества вы боретесь на форумах в Давосе? Читайте дальше. Глава восьмая особенно хороша. Там про яхты господина Измайлова-старшего и несовершеннолетних моделей в водах Монако. Тираж — сто тысяч экземпляров. Отправка в типографию назначена на сегодня. Разумеется, если наша текущая сделка по слиянию не будет разблокирована биржей в течение ближайших тридцати минут. Время пошло.

Максим оборвал связь.

Экран погас, погрузив кабинет в сумрак, разрезаемый лишь миганием красных строк котировок.

Тишина вернулась. Но теперь она была наполнена запахом паленой шерсти. Максим стогрел мосты. Он объявил войну не конкуренту. Он объявил войну самой концепции правил.

Он достал из кармана платок. Вытер вспотевший лоб. Взгляд упал на открытую дверь спальни. На смятую постель, где среди идеальных простыней валялась забытая шпилька для волос. Металлическая, простая. Ева вытащила её вчера, распуская пучок перед танцем.

Он поднял шпильку. Покрутил в пальцах. Положил на край стола. Маленький кусок металла, переживший падение империи.

Часть 5. Холодная война (18:00)

Ужин подавали в малой гостиной. Победители должны питаться отдельно от проигравших, чтобы переваривать не только еду, но и чужой страх.

Атмосфера напоминала репетицию похорон, где покойник сбежал из гроба и теперь сидит во главе стола, насвистывая реквием. Мария Петровна двигалась между столом и буфетом как автоматон с разряжающейся батареей. Резкие жесты. Приказы шепотом. Прислуга шарахалась от неё, как от открытого огня.

Максим сидел во главе стола. Перед ним стояла тарелка с остывшим тартаром из мраморной говядины. Вилка и нож лежали параллельно краям тарелки — поза абсолютной готовности к вскрытию.

Ева сидела по правую руку. Между ними было расстояние в тридцать сантиметров дорогой скатерти и одна свеча в тяжелом подсвечнике. Казалось бы — интимно. На деле — Марианская впадина.

На ней было простое черное платье. Никаких украшений, кроме кольца с сапфиром, которое выглядело на её пальце как клеймо раба. Она ела механически. Медленно жевала овощи, глядя куда-то сквозь стену. Усталость висела на ней тоннажем. Корсет под платьем оставил багровые полосы на белой коже спины — следы вчерашнего танца-пытки.

Леонид Григорьевич сиял. Он был пьян вдрызг, счастлив абсолютно и пел дифирамбы внучке.

— Ай да ведьма! — провозгласил дед, стуча вилкой по бокалу. — Марусь, ты видела?! Как она сделала Алиску! Моя кровь! Настоящий питбуль в кружевах!

Мария Петровна села. Звук серебра о фарфор прозвучал как лязг затвора.

— Я удаляюсь, — процедила она, промокнув губы салфеткой так, словно хотела стереть их вовсе. — Меня мутит от этого балагана.

Она вышла. Каблуки простучали по паркету очереди пулеметной очереди. Звук стих в глубине коридора, но эхо осталось висеть в воздухе.

Максим посмотрел на Еву. Свет свечи подсветил её лицо снизу, делая тени глубже, а скулы — острее. Она поймала его взгляд. В её глазах не было благодарности. Там была арифметика. Бухгалтерский баланс их сделки.

— Психопатка, — сказал он одними губами.

— Актриса, — поправила она, промокнув уголки рта. — Игра начинается там, где заканчивается здравый смысл. Спасибо за танец, Воронов. Лучший секс в моей жизни. Даже одежду снимать не пришлось.

Она встала. Шелк платья прошелестел, как сухая листва. Ева обошла стол, подошла к нему сзади. Наклонилась — очень близко, так, что её волосы коснулись его щеки — и поправила бабочку на его шее. Которая была идеально ровной. Её пальцы задержались на узле чуть дольше, чем требовал этикет. Легкое поглаживание кожи под кадыком.

— Инвестируй полностью, — прошептала она ему в ухо. — Кажется, это был последний пункт нашего договора.

Она ушла. Оставив за собой шлейф аромата земляничного мыла и абсолютной уверенности в своем праве разрушать чужие жизни.

Максим остался сидеть. Медленно выдохнул. Почувствовал, как спазм отпускает мышцы диафрагмы. Она играла ва-банк. Поставила всё на zero. И выиграла джекпот, сделав вид, что сорвала куш случайно.

Он посмотрел на свой сжатый кулак. Разжал пальцы. Кровоподтеки от ногтей сходили плохо. Мясо было сорвано до крови.

— Психопатка, — повторил он уже тише, но в этом слове впервые за долгое время прозвучало нечто похожее на искреннее восхищение пополам с первобытным ужасом. — Самая опасная женщина из всех, кого я встречал.

За окном выл ветер, заматаив Москву саваном. Война официально перешла в стадию открытого каннибализма.

Часть 6. Точка замерзания (21:00)

Ночь опустилась резко, словно кто-то выключил свет в планетарии. Максим стоял на террасе. Ограждение из закаленного стекла высотой в метр отделяло его от падения вниз. Ветер с Москвы-реки швырял в лицо ледяную крошку.

Он не чувствовал холода. Жар внутреннего пожара высушил капилляры. Куртка валялась на полу гостиной. Рубашка расстегнута на груди. Волосы, обычно уложенные волосок к волоску, стояли дыбом от статического электричества и многократного проведения пятерней.

Взгляд зацепился за деталь. Система «Умный дом» синхронизировалась с последним заказом еды. На кухонном острове стояла коробка из крафтового картона. Горячая пицца «Четыре сыра». Сыр тянулся длинными нитями, застывая причудливыми восковыми фигурами. Рядом — две банки колы. Классика. Одна открыта. Пар всё ещё поднимался над темным напитком.

Две банки.

Заказ, сделанный неделю назад. Когда система думала, что хозяйка дома спит этажом выше. Автоматическое повторение паттерна. Машины не умеют забывать привычки своих владельцев.

Максим подошел ближе. Провел пальцем по запотевшему стеклу второй, закрытой банки. Стер конденсат. Капля влаги осталась на его подушечке. Соленая.

Он представил, как бы это было. Если бы она была здесь. Она бы обязательно попыталась открыть банку о край мраморной столешницы, потерпела неудачу, сунула бы ему в руки («Ты же сильный»), а потом украла бы половину оливок из его порции салата.

Вместо этого — только вой ветра в вентиляционных шахтах и гул трансформаторов глубоко в подвалах башни.

Физическая усталость навалилась бетонной плитой. Суточный цикл без сна давал о себе знать. Но спать в этой кровати он не мог. Каждая складка простыни хранила память о другом весе, другом тепле, другом ритме дыхания.

Максим вернулся в спальню. Открыл шкаф-купе. Ряды костюмов смотрели на него, как армия пластиковых манекенов. Симулякры успешного мужчины.

Он дернул за ручку верхнего ящика комода. Глубокий ящик, обитый кедром. Там лежала одежда, которую он не носил годами. Джинсы Levi's, купленные в аэропорту Нью-Йорка в прошлой жизни. Черная водолазка тонкой мериносовой шерсти. Мягкая, облегающая, совершенно не статусная.

Он начал раздеваться. Расстегнул рубашку. Золотые запонки ценой в автомобиль Rolex упали на мрамор пола с глухим стуком. Он не нагнулся их поднять. Пусть лежат. Могильные камни эпохи покорения Уолл-стрит.

Водолазка приняла тело мягко. Шерсть слегка покалывала кожу, привыкшую к египетскому хлопку. Запах новой вещи смешался с запахом его парфюма и вьевшимся ароматом дыма из кабинета.

Он посмотрел на себя в зеркало. Человек напротив выглядел иначе. Плечи стали шире или просто перестали держать защитную броню сутулости? Глаза блестели опасным блеском лихорадки.

Он взял телефон. Набрал внутреннюю линию протокола.

— Мне нужно два билета, — голос звучал спокойно, почти ласково. — Первый класс. Санкт-Петербург. Сапсан. Отправление завтра в шесть утра.

— Цель визита?

— Конфискация активов.

Оператор на том конце провода знал код. Картины отца. Антиквариат. То, что можно превратить в наличность быстрее, чем акции. Чистое золото династии.

Закончив разговор, Максим рухнул на кровать лицом вниз. Простыни действительно были ледяными. Он зарылся лицом в подушку. Втянул воздух. Запаха духов Евы не было — химчистка работала безупречно. Но воображение дорисовывало. Земляника. Порох. Паника.

Сон не шел. Было состояние зыбкости. Полусна, в котором реальность течет сквозь пальцы.

Экран телефона на тумбочке засветился. Входящее сообщение. Номер скрыт. ID определяется системой спутниковой связи Iridium как резервный канал объекта «Лаврова». Доступ имел только начальник СБ Марк. Или она.

Текст состоял из одной буквы и координат геолокации:

> Жива. Координаты: [Шифрованный пакет]

Ниже приписка:

> Кот передает привет. У нас тут минус тридцать. Греемся телом к телу. Методичка выживания, страница первая.

Максим смотрел на экран. Уголок его губ дрогнул. Сначала неуверенно. Затем сильнее. Через секунду он уже смеялся. Тихо, раскатисто, уткнувшись лбом в холодное покрывало. Смех переходящий в рыдание, которого не было.

Затемнение.

Глава 47. Точка невозврата

Часть 1. Анатомия ультиматума (09:00)

Тишина в зале заседаний «Воронов Капитал» имела плотность свинца. Она не звенела — она давила на барабанные перепонки, оседая тяжелым металлом в легких. Воздух здесь был искусственным, стерильным, пропущенным через фильтры стоимостью дороже годового бюджета небольшой африканской страны. Кондиционеры гнали потоки ледяного кислорода, вымораживая из пространства любые признаки жизни, оставляя лишь сухую, математическую точность.

Максим Воронов стоял во главе стола для переговоров. За его спиной панорамное окно выходило на серую бездну Сити, но сейчас стекло отражало только его собственное лицо — маску из полированного гранита, под которой угадывались трещины. Он не спал тридцать шесть часов. С того самого момента, как Алиса Измайлова бросила перчатку на ковер библиотеки деда.

Напротив него, утопая в кресле из кожи цвета слоновой кости, сидела Мария Петровна. Королева-мать в изгнании. Её осанка оставалась безупречной, несмотря на то что мир рушился вокруг неё. Рядом с ней, прямая как аршин проглотившая, застыла Алиса. На ней было платье цвета бутылочного стекла от Logo Piana — цвет холодной стали и ядовитых змей. Она не смотрела на Максима. Она изучала свои идеальные ногти, покрытые лаком оттенка «Балетные пуанты», словно решала судьбу муравья под микроскопом.

С другой стороны стола сидел Игорь Кречетов. Адвокат семьи Измайловых. Человек, чье лицо состояло исключительно из острых углов и юридического цинизма. Перед ним лежала папка из черной тисненой кожи. Толщиной в смертный приговор.

— Господа, — голос Кречетова заполнил зал, лишенный эха. Звук был плоским, синтетическим. — Перейдем к пункту повестки номер четыре. Субсидиарная ответственность активов госпожи Лавровой по обязательствам АО «ТрансЛогистик».

Максим не пошевелился. Его пальцы, лежащие на столешнице, побелели так, что казалось — еще секунда, и фарфоровый край встроенного беспроводного зарядного устройства рассыплется в пыль.

— Активы госпожи Лавровой находятся вне юрисдикции текущего собрания, Игорь, — произнес Максим. Голос звучал ровно. Слишком ровно. Это была интонация человека, который уже мертв, но тело об этом еще не знает. — Брак является фикцией. Пункт четырнадцать точка восемь договора о намерениях четко регламентирует отсутствие совместного ведения хозяйства до регистрации.

Кречетов улыбнулся. Улыбка не затронула глаз.

— Напротив, господин Воронов. Поскольку брак признан судом штата Делавэр предварительным соглашением без фактического подтверждения сожителства более тридцати дней... — он сделал паузу, наслаждаясь моментом, — ...и ввиду ареста счетов компании «Lavrova Stage», оформленного на объект после наложения обеспечительных мер кредиторами «Строй-Века», данные активы квалифицируются как мошенническая схема вывода капитала. Налоговая служба готовит иск. Уголовный розыск выписывает ордер на задержание объекта «Лаврова» в рамках дела о преднамеренном банкротстве.

Мария Петровна удовлетворенно кивнула сама себе. Достала из сумки золотой Parker. Щелчок колпачка прозвучал в тишине как взводимый курок. Она сделала пометку в бумажном блокноте — анахронизм, призванный подчеркнуть её статус выше цифровых технологий.

Максим смотрел на экран перед собой. Графики котировок падали в красную бездну. Индекс «ТрансЛогистик» пробил очередное дно. Штейн бил прицельно. Блокировка офшоров Кайманов ударила точно в солнечное сплетение ликвидности. Без доступа к резервным фондам у них оставалось сорок восемь часов до объявления технического дефолта синдиката. Сорок восемь часов до того, как приставы начнут выносить мебель из этого кабинета.

Обычно в такие моменты Максим чувствовал азарт. Чистое, дистиллированное удовольствие хищника, загнавшего добычу в угол. Кровь закипала, адреналин выжигал лишние мысли, оставляя лишь холодную логику алгоритма. Но сейчас логика буксовала. Экран монитора расплывался перед глазами. Мозг, натренированный обрабатывать терабайты данных за секунды, выдавал системную ошибку: «File Not Found». Файл под названием «Дом» оказался поврежден.

Он поднял взгляд. Посмотрел на мать. Затем на Алису. И наконец — на Еву.

Она сидела в самом конце стола, там, где обычно сидят младшие аналитики или юристы-подмастерья. На ней не было бриллиантов Шанель, которые пыталась навязать ей стилист утром. Простое черное платье-футляр. Дорогое, но закрытое. Единственная вольность — армейские ботинки вместо шпилек, выглядывающие из-под края юбки. Ева сидела идеально прямо, положив руки на стол. Пальцы были сцеплены в замок так сильно, что побелели костяшки. Она не смотрела на него. Она смотрела на пятно пролитого кофе на краю дубовой столешницы.

Но Максим чувствовал её присутствие каждой клеткой кожи. Тепловой след. Нарушение симметрии. В идеально выстроенной геометрии зала она была ошибкой вычисления. Ошибкой системы. Которая сейчас спасала ему жизнь одним своим существованием.

— Достаточно, — сказал Максим. Голос лишился всяких модуляций, став плоским, как бетонная плита. — Мы отложим пункт четыре. До завершения аудита группы компаний. Заседание окончено.

Он встал. Не резко. Медленно. Как поднимается затонувший линкор со дна океана. Каждое движение требовало усилий, которых у него не было.

Алиса поднялась следом. Грациозно. Поправила несуществующую складку на юбке.

— Разумеется, Максим, — пропела она. Голос звучал как хруст битого стекла. — Аудит может длиться вечно. Но рынок ждать не будет. Кредиторы любят конкретику. Либо слияние, либо банкротство. Третьего не дано. Рекомендую обсудить это с вашей... протеже. Кажется, у неё большой опыт общения с коллекторами.

Двери закрылись за ними с мягким пневматическим вздохом. Эхо дорогих каблучков Марии Петровны простучало по коридору и растворилось.

Максим остался один.

Кабинет принял его обратно, как принимает морг нового постояльца.

Он упал в кресло главы корпорации. Кожа высокой спинки привычно холодила затылок. Это прикосновение должно было отрезвлять. Возвращать в реальность титанов бизнеса. Сейчас оно ощущалось как прикосновение надгробной плиты.

Максим нажал кнопку запуска внутренней связи. Мониторы вспыхнули один за другим, заливая лицо синим мертвенным светом операционной. Красные графики падения индекса «ТрансЛогистик» били по сетчатке. Штейн бил прицельно. Использование блокировки офшорных счетов Каймановых островов было элегантным ходом. Удавка, замаскированная под бюрократическую процедуру.

Обычно в такие моменты Максим чувствовал азарт. Чистое, животное удовольствие хищника, почувствовавшего кровь. Кровь закипала, адреналин выжигал лишние мысли, оставляя лишь чистую логику алгоритма взлома защиты противника. Сейчас же логика буксовала. Экран перед ним расплывался мутным пятном. Он потер переносицу, пытаясь сфокусировать зрение, но взгляд снова и снова цеплялся за правый нижний угол стола.

Там стояла чашка. Обычная белая фарфоровая чашка с отколотым краешком. Скалолаз-эмаль. Масс-маркет. Та самая, из которой вчера утром, в оранжерее, пила Ева.

Он запретил охране и прислуге трогать её. Протереть. Убрать в посудомойку. Глупость. Сентиментальность. Фатальная уязвимость SEO уровня Воронов. Если бы Елена Петровна увидела это...

Впрочем, Елена увидит всё. Запись камер наблюдения писала круглосуточно. Архив уходил прямым на личный сервер службы безопасности. Пусть смотрят. Пусть анализируют каждый миллиметр пустоты между их пальцами вчерашним вечером.

Телефон на столе завибрировал. Внутренняя линия. Красный приоритет. Вызов, который нельзя сбросить.

— Слушаю, — голос Максима звучал ровно. Но в нем отсутствовала та стальная опора, которая заставляла акционеров замирать и втягивать головы в плечи.

— Макс, это Марк. — Голос начальника СБ прорывался сквозь белый шум шифрования. — Мы потеряли визуальный контакт с объектом «Лаврова» три часа назад. Леонид Григорьевич перевел гостевое крыло на автономный контур. Камеры слепы. Охрана периметра подчиняется напрямую ему. Дед играет в свою игру.

Максим медленно положил стилус. Деревянный кончик треснул в его пальцах с сухим щелчком, похожим на ломающуюся кость.

— Что значит «слепы»? — спросил он тихо. Это была опасная интонация. Интонация человека, которому только что сообщили, что его конечности больше не принадлежат ему.

— Дед активировал постановщик помех старой школы. Радиус действия совпадает с чертежами времен КГБ. Мы ничего не видим и не слышим внутри радиуса километра. Спутниковый канал забит белым шумом. Объект изолирован полностью. Навсегда.

Паника пришла не оттуда, откуда её ждали. Страх потери контроля над женщиной никогда не входил в бизнес-план Максима Воронова. Паника пришла другого рода. Эпистемологический ужас. Потеря потока данных. Всю жизнь он строил империю на информации. Знать всё. Видеть всех. Предсказывать реакцию рынка по микроимимике конкурента за покерным столом. А сейчас центр управления полетами сообщал: «Соединение разорвано».

Следующий звонок разрезал воздух через две минуты. Казначейство.

Начальник департамента говорил быстро, плотая окончания слов, брызжа слюной в микрофон гарнитуры:

— Господин Воронов, Гонконг лег. Токио выставил маржин-колл. Если мы не предоставим обеспечение по кредиту «Горизонта» до открытия торгов завтра утром, кросс-дефолт накроет весь холдинг. Нам нужно решение по Измайлову. Прямо сейчас. Сегодня. В эту секунду.

Решение. Всегда нужны решения. Давление воздуха в кабине падает, маски выпадают сверху автоматически. Наденьте сначала на себя, потом на ребенка. Только вот Евы рядом не было, чтобы надеть кислородную маску на него. Закон термодинамики применительно к социопатии: два тела генерируют достаточно тепла, чтобы выжить в Антарктиде. Одно тело теряло тепло быстрее, чем батареи могли его восполнить.

Максим оттолкнулся от стола. Прошел к бару. Достал тяжелый хрустальный стакан. Лед — идеально ровные кубики из дистиллированной воды. Виски. Сорокалетний торфяной монстр. Он плеснул янтарную жидкость, проваливающуюся в пустой желудок. Тепло пришло, но оно было чужеродным. Химическим. Оно грело пищевод, но оставляло душу мерзнуть в стеклянной коробке небоскреба.

Он подошел к окну. Прижал горячий лоб к ледяному триплексу. Город внизу жил своей жизнью. Миллиарды сердец бились вразнобой. Гудели сирены скорых, визжали тормоза. Ему казалось, что он слышит этот гул даже отсюда. Хаос. Отсутствие структуры. То, чего он всегда боялся. То, что Ева носила внутри себя, как знамя.

«Я ненавижу темноту».

Голос Евы прозвучал в голове так ясно, что он рефлекторно обернулся. Но сзади никого не было. Только мертвый свет мониторов и тени предков на стенах.

«Мы банкроты, Воронов. Я боюсь проснуться и понять, что мне стало всё равно».

Максим ударил кулаком по стеклу. Один раз. Сухо, болезненно. Боль в костяшках отрезвила лучше любого нашатыря. Физическая боль — единственное доступное лекарство от фантомной ампутации души.

Он вернулся к столу. Сел. Открыл ноутбук. Пробежался по внутренним каналам связи. Система безопасности работала стабильно. Камеры писали каждый угол дома. Он видел запись. Себя и Еву. В библиотеке. В оранжерее. Вчера ночью.

Как она прижималась лбом к его подбородку. Как её пальцы вплетались в его волосы. Как они дышали в унисон посреди остывающей оранжереи.

Это стоило десять миллиардов долларов.

Оно того стоило.

Максим достал смартфон. Набрал внутренний протокол охраны.

— Мне нужен вертолет. На крыше. Через двадцать минут. Маршрут — частная клиника, затем загородное поместье.

— Господин Воронов, вылет запрещен распоряжением ФСО. Небо закрыто из-за шторма. Наземные трассы заблокированы МЧС. Выезд из города невозможен.

— Тогда готовьте подземный гараж. Машину сопровождения. Полный боекомплект. И вызовите ко мне Лену. Немедленно.

Положив трубку, Максим посмотрел на дверь своего личного лифта.

Ему нужна была Ева. Ей нужна была правда.

Ультиматум поставлен. Игра перешла в эндшпиль.

Шах и мат отменяются. Начинается уличная драка.

Часть 2. Синдром отмены (11:30)

Кабинет принял его обратно, как принимает морг нового постояльца.

Максим упал в кресло главы корпорации. Кожа высокой спинки привычно холодила затылок — этот тактильный якорь должен был возвращать в реальность титанов бизнеса, напоминать о весе принимаемых решений. Сейчас же кожа обивки ощущалась как мрамор склепа. Он нажал кнопку запуска системы. Мониторы вспыхнули один за другим, заливая лицо синим мертвенным светом операционной.

Красные графики падения индекса «ТрансЛогистик» били по сетчатке. Штейн бил прицельно. Блокировка офшоров Каймановых островов была элегантным ходом гроссмейстера. Удавка, замаскированная под бюрократическую процедуру.

Обычно в такие моменты Максим чувствовал азарт. Чистое, животное удовольствие хищника, загнавшего добычу в угол. Кровь закипала, адреналин выжигал лишние мысли, оставляя

лишь холодную логику алгоритма взлома защиты противника. Но сейчас логика буксовала. Экран перед ним расплывался мутным пятном. Мозг, натренированный обрабатывать терабайты данных за секунды, выдавал системную ошибку: «File Not Found». Файл под названием «Дом» оказался поврежден.

Он потер переносицу, пытаясь сфокусировать зрение, но взгляд снова и снова цеплялся за правый нижний угол стола. Там стояла чашка. Обычная белая фарфоровая чашка с отколотым краешком. Скалолаз-эмаль. Масс-маркет. Та самая, из которой вчера утром, в оранжерее, пила Ева.

Он запретил охране и прислуге трогать её. Протереть. Убрать в посудомойку. Глупость. Сентиментальность. Фатальная уязвимость СЕО уровня Воронов. Если бы Елена Петровна увидела это... Впрочем, Елена увидит всё. Запись камер наблюдения писала круглосуточно. Архив уходил прямым ходом на личный сервер службы безопасности. Пусть смотрят. Пусть анализируют каждый миллиметр пустоты между их пальцами вчерашним вечером.

Телефон на столе завибрировал. Внутренняя линия. Красный приоритет. Вызов, который нельзя сбросить.

— Слушаю, — голос Максима звучал ровно. Но в нем отсутствовала та стальная опора, которая заставляла акционеров замирать и втягивать головы в плечи.

— Макс, это Марк. — Голос начальника СБ прорывался сквозь белый шум шифрования. — Мы потеряли визуальный контакт с объектом «Лаврова» три часа назад. Леонид Григорьевич перевел гостевое крыло на автономный контур. Камеры слепы. Охрана периметра подчиняется напрямую ему. Дед играет в свою игру.

Максим медленно положил стилус. Деревянный кончик треснул в его пальцах с сухим щелчком, похожим на ломающуюся кость.

— Что значит «слепы»? — спросил он тихо. Это была опасная интонация. Интонация человека, которому только что сообщили, что его конечности больше не принадлежат ему.

— Дед активировал постановщик помех старой школы. Радиус действия совпадает с чертежами времен КГБ. Мы ничего не видим и не слышим внутри радиуса километра. Спутниковый канал забит белым шумом. Объект изолирован полностью. Навсегда.

Паника пришла не оттуда, откуда её ждали. Страх потери контроля над женщиной никогда не входил в бизнес-план Максима Воронова. Паника пришла другого рода. Эпистемологический ужас. Потеря потока данных. Всю жизнь он строил империю на информации. Знать всё. Видеть всех. Предсказывать реакцию рынка по микромимике конкурента за покерным столом. А сейчас центр управления полетами сообщал: «Соединение разорвано».

Следующий звонок разрезал тишину через две минуты. Казначейство.

Начальник департамента говорил быстро, глотая окончания слов, брызжа слюной в микрофон гарнитуры:

— Господин Воронов, Гонконг лег. Токио выставил маржин-колл. Если мы не предоставим обеспечение по кредиту «Горизонта» до открытия торгов завтра утром, кросс-дефолт накроет весь холдинг. Нам нужно решение по Измайлову. Прямо сейчас. Сегодня. В эту секунду.

Решение. Всегда нужны решения. Давление воздуха в кабине падает, маски выпадают сверху автоматически. Наденьте сначала на себя, потом на ребенка. Только вот Евы рядом

не было, чтобы надеть кислородную маску на него. Закон термодинамики применительно к социопатии: два тела генерируют достаточно тепла, чтобы выжить в Антарктиде. Одно тело теряло тепло быстрее, чем батареи могли его восполнить.

Максим оттолкнулся от стола. Прошел к бару. Достал тяжелый хрустальный стакан. Лед — идеально ровные кубики из дистиллированной воды. Виски. Сорокалетний торфяной монстр. Он плеснул янтарную жидкость, проваливающуюся в пустой желудок. Тепло пришло, но оно было чужеродным. Химическим. Оно грело пищевод, но оставляло душу мерзнуть в стеклянной коробке небоскреба.

Он подошел к окну. Прижал горячий лоб к ледяному триплексу. Город внизу жил своей жизнью. Миллиарды сердец бились вразнобой. Гудели сирены скорых, визжали тормоза. Ему казалось, что он слышит этот гул даже отсюда. Хаос. Отсутствие структуры. То, чего он всегда боялся. То, что Ева носила внутри себя, как знамя.

«Я ненавижу темноту».

Голос Евы прозвучал в голове так ясно, что он рефлекторно обернулся. Но сзади никого не было. Только мертвый свет мониторов и тени предков на стенах.

«Мы банкроты, Воронов. Я боюсь проснуться и понять, что мне стало всё равно».

Максим ударил кулаком по стеклу. Один раз. Сухо, болезненно. Боль в костяшках отрезвила лучше любого нашатыря. Физическая боль — единственное доступное лекарство от фантомной ампутации души.

Он вернулся к столу. Сел. Открыл ноутбук. Пробежался по внутренним каналам связи. Система безопасности работала стабильно. Камеры писали каждый угол дома. Он видел запись. Себя и Еву. В библиотеке. В оранжерее. Вчера ночью.

Как она прижималась лбом к его подбородку. Как её пальцы вплетались в его волосы. Как они дышали в унисон посреди остывающей оранжереи.

Это стоило десять миллионов долларов.

Оно того стоило.

Максим достал смартфон. Набрал внутренний протокол охраны.

— Мне нужен вертолет. На крыше. Через двадцать минут. Маршрут — частная клиника, затем загородное поместье.

— Господин Воронов, вылет запрещен распоряжением ФСО. Небо закрыто из-за шторма. Наземные трассы заблокированы МЧС. Выезд из города невозможен.

— Тогда готовьте подземный гараж. Машину сопровождения. Полный боекомплект. И вызовите ко мне Лену. Немедленно.

Положив трубку, Максим посмотрел на дверь своего личного лифта.

Ему нужна была Ева. Ей нужна была правда.

Ультиматум поставлен. Игра перешла в эндшпиль.

Шах и мат отменяются. Начинается уличная драка.

Часть 3. Фантомные боли (13:00)

Тишина кабинета давила на перепонки низким гулом трансформаторов. Максим стоял у окна, глядя на серую муть непрекращающейся метели. Пальцы правой руки машинально поглаживали корешок кожаного портфеля, стоявшего на полу. Внутри лежали бумаги на продажу «Тихой Гавани». Продажа родовой земли государственно-частному партнерству. Спасение империи ценой позора. Чистая сделка. Никакой романтики.

Но цифры на экране ноутбука продолжали гореть красным. Даже продажа земли закрывала дыру лишь частично. Штейн играл на опережение. Кредитного плеча больше не существовало. Банковская система страны захлопнула капкан.

Звонок Елены Петровны застал его врасплох. Не видеозвонок — аудиосообщение. Старое, аналоговое уведомление, пришедшее прямо на смарт-часы.

«Мария требует аннулировать брак немедленно. Юристы готовят заявление о фиктивности ввиду отсутствия совместного проживания. Если ты подпишешь контракт с Алисой сегодня, я сохраню контроль над пакетом акций твоего отца. Ты меня понял, Максим?»

Он стер сообщение, не ответив. Стер ластиком. Нажал delete. Впервые в жизни он позволил себе проигнорировать прямой приказ матери. Адреналиновый шок сменялся странным, звенящим спокойствием. Когда тебе уже вынесли смертный приговор, бояться нарушения комендантского часа бессмысленно.

Максим подошел к встроенному шкафу в кабинете. Рывком распахнул зеркальные двери. За рядами идеальных Brioni и Tom Ford скрывалось то, что он считал своим прошлым. Одежда для другой жизни. Джинсы Levi's, купленные в аэропорту Нью-Йорка пять лет назад во время бегства от SEC. Растянутая черная водолазка тонкой мериносовой шерсти. Никаких логотипов. Никакого статуса. Просто ткань.

Он сбросил смокинг прямо на пол. Звук удара тяжелого шелка о паркет показался ему оглушительным выстрелом. Символический акт дезертирства. Расстегивание запонок стоимостью в автомобиль заняло вечность. Золотые слитки Vacheron Constantin упали на стол со звуком падающих гильз.

Водолазка приняла тело мягко. Шерсть слегка покалывала кожу, привыкшую к египетскому хлопку и дорогому парфюму. Это ощущение ткани на голой коже было почти болезненным после месяцев изоляции в броне дорогих рубашек.

Он посмотрел на себя в зеркало во всю стену. Человек напротив выглядел иначе. Плечи казались шире или просто перестали держать защитную броню сутулости топ-менеджера. Глаза блестели опасным блеском лихорадки больного зверя.

Он взял телефон. Набрал внутреннюю линию протокола.

— Мне нужно два билета, — голос звучал спокойно, почти ласково. Таким тоном сообщают о слиянии компаний, а не о побеге. — Первый класс. Сапсан. Санкт-Петербург. Отправление завтра в шесть утра.

— Цель визита?

— Конфискация активов.

Оператор на том конце провода знал код. Дата рождения отца. Номер счета в Цюрихе. Картины. Антиквариат. То, что можно превратить в наличность быстрее, чем акции. Чистое золото династии.

Закончив разговор, Максим рухнул на диван лицом вниз. Простыни здесь были ледяными. Он зарылся лицом в подушку, пытаясь вдохнуть запах отеля. Ничего. Стерильность. Билет в никуда.

Экран телефона на тумбочке засветился. Входящее сообщение. Номер скрыт. ID определяется системой спутниковой связи Iridium как резервный канал объекта «Лаврова». Доступ имел только начальник СБ Марк. Или она.

Максим сел. Сердце пропустило удар.

Текст состоял из одной буквы и координат геолокации:

Жива. Координаты: [Шифрованный пакет]

Ниже приписка:

Кот передает привет. У нас тут минус тридцать. Греемся телом к телу. Методичка выживания, страница первая.

Максим смотрел на экран. Уголок его губ дрогнул. Сначала неуверенно. Затем сильнее. Через секунду он уже смеялся. Тихо, раскатисто, уткнувшись лбом в холодное покрывало. Смех переходящий в рыдание, которого не было. Слезы не текли — внутри всё выгорело дотла еще в библиотеке деда.

Затемнение.

Часть 4. Ультиматум наоборот (15:30)

Кабинет погрузился в синий сумрак раннего зимнего вечера. Максим сидел в кресле, которое час назад занимала Ева. Бутылка Laphroaig была наполовину пуста. Лед в стакане давно растаял, разбавив виски талой водой. Он не чувствовал вкуса.

Дверь открылась без стука.

Ева вошла бесшумно. Она сняла свои армейские ботинки в приемной. Теперь ступала по дубовому паркету босиком. Звук шагов был мягким, кошачьим. На ней было то самое черное платье-футляр, в котором она танцевала накануне. Декольте открывало ключицы, покрытые гусиной кожей от холода коридоров.

Она остановилась в центре комнаты. Огляделась. Взгляд зацепился за сброшенный на пол фрак Maximilian.

— Дресс-код изменился? — спросила она. В голосе не было страха. Только сухая констатация факта.

Максим поднял на неё глаза. Взгляд фокусировался медленно, словно объектив старого фотоаппарата.

— Война началась, — сказал он. — Кречетов передал ультиматум через мать. Подпись контракта с Алисой до заката или банкротство группы завтра в девять ноль-ноль.

Ева не изменилась в лице. Ни один мускул не дрогнул. Она подошла к бару, налила себе остатки виски в чистый стакан. Выпила. Закашлялась. Алкоголь обжег пересохшее горло.

— Они идиоты, — сказала она буднично, ставя стакан. — Использовать брачный контракт как инструмент захвата — это уровень уездного нотариуса. Суд признает сделку недействительной по десятку пунктов. От фиктивности до принуждения.

— У нас нет времени на суды, — Максим провел рукой по лицу, стирая усталость. — Деньги нам нужны завтра утром. Чтобы перекрыть маржин-колл.

— Значит, деньги им не нужны, — Ева обошла стол. Встала вплотную, вторгаясь в его личное пространство так, как умеют делать только очень голодные или очень уверенные в себе люди. — Им нужен твой статус. Легитимизация крови. Алиса хочет стать миссис Воронов официально, чтобы войти в совет директоров самой. Мария хочет видеть тебя женатым на табуретке, лишь бы не на мне. Классика жанра.

Она подняла руку. Провела пальцем по щетине на его щеке. Касание было легким, почти невесомым, но Максим вздрогнул всем телом, словно через него пропустили ток.

— Что будем делать, директор? — прошептала она. — Будем играть в благородных рыцарей? Умрем красиво, соблюдая этикет?

Максим поймал её руку. Его хватка стала железной. Он дернул её на себя, заставляя потерять равновесие. Ева вскрикнула, но вместо того чтобы упасть, обвила его талию ногами, используя инерцию рывка.

Они оказались прижаты друг к другу посреди кабинета. Между ними осталась только ткань одежды и бешеный ритм двух сердец, пытающихся пробиться сквозь ребра.

— Нет, — выдохнул он ей в губы. — Рыцарство закончилось вместе с банковским счетом. Мы играем грязно.

Ева улыбнулась. Медленно, хищно. Обнажив зубы.

— Наконец-то, — прошептала она. — А то я думала, придется умереть от скуки.

Она запустила пальцы в его волосы на затылке, притягивая его голову к себе. Поцелуй не был нежным. Это был захват. Маркировка территории. Заявка на собственность. Зубы клацнули о зубы — коротко, больно, правильно. Так волки проверяют крепость шеи соперника.

Максим ответил с той же первобытной жадностью. Его руки переместились на её бедра, приподнимая её, впечатывая в свое тело. Он шагнул назад, толкая её к массивному письменному столу из красного дерева. Папки с документами посыпались на пол. Контракт с Измайловыми. Балансовые отчеты. Судьба десяти миллиардов.

Он усадил её на край столешницы. Холодное дерево обожгло даже сквозь чулки.

Его ладони легли на её шею. Большие пальцы нашли пульс на сонных артериях. Два бие-ния. Одно быстрое, рвано-птичье. Второе — глубокое, размеренное, как ход метронома.

— Мы сделаем следующее, — произнес он, отрываясь от её губ, но не разрывая физического контакта. Лицо к лицу. Расстояние дыхания. — Мы лишим их главного оружия. Репутации.

— Как? — выдохнула она, водя носом по его скуле.

— Утечка. Тотальная. Публичное признание. Завтра в восемь утра мой пресс-секретарь созывает экстренную конференцию. Заголовки будут простыми: «Воронов отказывается от слияния, предпочитая честное банкротство продаже чести».

— Они уничтожат тебя, — прошептала Ева, но в голосе не было ужаса. Было предвкушение.

— Они попытаются, — он провел языком по её нижней губе, собирая вкус соли и виски. — Но я дам им причину пожалеть об этом.

Он развернул её спиной к столу. Одной рукой расстегнул молнию на её платье. Ткань скользнула вниз, обнажая белую кожу в тусклом свете камина.

— Раздевайся, — приказал он. Голос сорвался на хрип. — Всё снимай.

Это не был секс страсти. Это был секс отрицания. Акт агрессии против вселенной, решившей их уничтожить. Они срывали с себя одежду — эти навязанные обществом роли, костюмы, статусы.

Платье Евы упало на пол мокрой тряпкой. Его галстук повис на лампе удавкой.

На широком столе красного дерева, среди рассыпанных бумаг, пахнущих типографской краской и крахмальным страхом, они любили друг друга с отчаянием людей, которым осталось жить двенадцать часов.

Это не было нежно. Это было жестко, громко, с привкусом крови и содранной кожи. Максим фиксировал её запястья над головой одной рукой, лишая возможности двигаться, лишая выбора. Ева выгибалась навстречу каждому движению, встречая силу силой, царапая его спину ногтями, оставляя красные полосы на чужой территории.

В какой-то момент, когда потолок поплыл перед глазами цветными пятнами, Ева поймала его взгляд.

Взгляд Максима был абсолютно ясным. Черный шторм расширенных зрачков. В них не было похоти собственника. Там было узнавание. Признание равного.

«Я вижу тебя», — говорили его глаза.

«Я знаю», — отвечали её.

Кульминация наступила не криком, а внезапной, звенящей тишиной. Максим замер, вжимая её в столешницу, тяжело дыша. Их сердца колотились в унисон — быстрый, панический синкоп.

Ева провела ладонью по его мокрому от пота виску. Коснулась губами уголка рта.

— Добро пожаловать в банду, Воронов, — прошептала она. — Надеюсь, ты умеешь стрелять.

Он перехватил её руку. Вплел свои пальцы в её. Сжал так, что кости затрещали. Кольцо с сапфиром врезалось в его ладонь.

— Научу, — пообещал он.

За окном выл ветер, швыряя снег в стекло панорамного окна. Где-то глубоко в подвале особняка взвыл генератор, переключаясь на резервную батарею. Свет мигнул и погас на долю секунды, погрузив кабинет в абсолютный, первобытный мрак.

Но темнота больше не пугала. В ней они наконец-то были невидимы для своих врагов.

Часть 5. Обратная дорога. Сбой в программе (18:30)

Тишина музыкального салона оглушала после рева голосов. Ева стояла у закрытой двери, прижавшись к ней спиной, пытаясь остудить горящую кожу о холодное дерево. Адреналиновый шторм не отпускал. Сердце колотилось где-то в горле, мешая сделать полноценный вдох.

Из кабинета доносился звук тяжелого хрусталя — Максим наливал себе коньяк. Прямо из горла. Звук льющейся жидкости казался неприлично громким в этой ватной тишине.

Ева оттолкнулась от двери и пошла по коридору. Каблуки утопали в густом ворсе ковра. Она чувствовала себя так, словно её пропустили через мясорубку, а потом собрали заново, перепутав детали. Корсет всё ещё впивался в ребра, напоминая о цене их маленького бунта в библиотеке. На щеке остался след сажи, который она забыла смыть перед сном. Коленка саднила — порезалась о брошенный медиатор Дмитрия во время падения со стола.

Она вошла в свои апартаменты. Воздух здесь был ледяным. Радиаторы едва теплились — экономия энергии, введенная протоколом «Осада».

Ева прошла в ванную. Щелкнула выключателем. Лампочка под потолком вспыхнула болезненно-желтым светом и тут же замигала, грозя погаснуть. Старая проводка особняка не справлялась с нагрузкой генераторов.

Она сорвала с себя платье. Бросила его на пол бесформенной грудой дорогого тряпья. Следом полетели чулки. Ступив босыми ногами на холодный мрамор, она вздрогнула всем телом.

Вода в душе была обжигающе горячей. Почти кипятком. Ева подставила лицо под струю, смывая остатки сценического грима, сажу камина и запах чужого парфюма Марии Петровны. Вода стекала по коже темными ручейками.

Она вытерлась жестким полотенцем. Натянула первую попавшуюся одежду — старую футболку Максима, найденную вчера в шкафу гостевой спальни. Хлопок пах озоном, табаком и чем-то сугубо мужским, звериным. Этот запах заземлял лучше любого транквилизатора.

Ева вышла обратно в спальню. Упала на кровать лицом вниз. Шелк покрывала охлаждал разгоряченную кожу.

«Мы трупы», — подумала она отстраненно. Не было паники. Было лишь звенящее, пустое спокойствие человека, только что спрыгнувшего с крыши небоскреба и еще не осознавшего, что земля близко.

Рядом, в ногах кровати, свернулся клубком Барс. Кот почувствовал хозяйку, приоткрыл один желтый глаз и беззвучно мяукнул, требуя ужин.

Ева фыркнула сквозь стиснутые зубы. Усмехнулась. Потянулась к тумбочке за телефоном. Старый кнопочный Nokia, купленный тайно неделю назад. Тот самый, номер которого знала только служба безопасности деда.

Экран мигнул зеленым. Индикатор сети показывал одну палочку. Нестабильно.

Она набрала сообщение Марку.

Ультиматум получен. Свадьба отменяется. Готовь план "Б". Утечка данных Измайлова-старшего должна уйти в сеть завтра в 08:00.

Отправить.

Сообщение зависло на отправке. Иконка крутящегося кольца загрузки замерла. Связи почти не было.

Ева бросила телефон на простыню. Закрыла глаза. Сон не шел. Внутри бушевал пожар. Поцелуй в кабинете обжег губы сильнее любого алкоголя. Это не было нежностью. Это был захват. Маркировка территории. Заявка на собственность. Зубы клацнули о зубы — коротко, больно, правильно. Так волки проверяют крепость шеи соперника.

Она провела ладонью по губам. Они всё ещё пульсировали.

«Это ошибка», — сказал он ей тогда. Голос сломан, низок, вибрирует на частотах, от которых слабеют колени.

«Мы нарушаем технику безопасности».

«Техника безопасности предполагает наличие запасного выхода», — ответила она. — «В этом доме выходов нет».

Ева закрыла глаза. В темноте за веками плясали красные пятна — отпечаток пламени камина. Она слышала эхо его слов:

«Я архитектор. Я построю нам лестницу даже в ад. Держись за меня».

Часть 6. Анатомия падения (23:45)

Дом затих далеко за полночь. Снегопад снаружи превратился в глухую, непроницаемую стену из летящего снега. Ветер выл на низких басовых нотах, заставляя стекла в дубовых рамах едва заметно вибрировать, издавая звук, похожий на стон умирающего зверя.

Ева лежала в постели. Сон не шел. Адреналин вчерашнего вечера всё ещё кипел в крови, делая кожу гиперчувствительной. Каждое движение простыни отзывалось электрическим разрядом. Она перевернулась на спину, уставившись в балдахин кровати. Барс, спавший клубком в ногах, недовольно мявкнул и перебрался в кресло.

Щелчок замка она услышала раньше, чем почувствовала присутствие. Дверь спальни открылась без звука — петли были смазаны идеально, как затвор снайперской винтовки.

Максим вошел бесшумно. Он снял пиджак еще в коридоре, оставшись в одной черной водолазке, которая облепляла его торс, подчеркивая каждую линию мышц. Галстук отсутствовал. Верхние пуговицы рубашки расстегнуты до середины груди. От него пахло озоном после грозы, дорогим табаком и тем самым диким, первобытным запахом мужчины, который только что дрался за свою жизнь.

Он подошел к кровати. Ева слышала это по вибрации пола. Не поворачивая головы, она следила за его тенью, упавшей на стену. Огромная, искаженная, готическая фигура.

— Не спишь, — констатировал он. Это не был вопрос.

— Жду, когда ты превратишься в тыкву, — отозвалась она, не открывая глаз. — Или в добропорядочного мужа Алисы Измайловой. Что наступит быстрее?

Тишина, повисшая между ними, стала плотной, физически ощутимой. Максим обошел кровать. Ева слышала шорох ткани, скрип паркета под тяжелым шагом. Он остановился у её края. Тепло его тела окатило волной даже через расстояние.

— Я дал им ответ, — произнес он. Голос сел, сорванный недавним криком на совет директоров. — Официальное заявление пресс-службы разослано. Мы отказываемся от слияния. Ультиматум принят. Завтра утром мы банкроты.

Ева открыла глаза. Посмотрела на него снизу вверх. Свет луны падал из окна, очерчивая резкий профиль: высокие скулы, жесткую линию рта, которая сейчас была расслаблена больше обычного. Маска СЕО осыпалась бетонной крошкой.

— Ты уничтожил империю отца ради меня? — спросила она. В голосе не было страха. Было чистое, звенящее недоумение.

— Я сохранил то, что имеет значение, — он опустил на край кровати. Кровать прогнулась под его весом. — Империи строятся из бетона, Ева. Бетон трескается. А люди... люди должны дышать.

Он протянул руку. Его ладонь легла на её шею. Большим пальцем он очертил контур челюсти. Прикосновение было жестким, лишенным всякой нежности. Так проверяют натяжение струны перед игрой.

— Раздевайся, — приказал он. Голос звучал низко, вибрируя где-то в основании черепа. Приказ генерала перед атакой.

Ева не двинулась с места. Только смотрела на него. В тусклом свете луны её глаза казались огромными, черными провалами.

— Здесь? — спросила она. — Сейчас?

— Здесь. Сейчас. — Он рывком поднял её за талию, усаживая на край кровати. Простыни холодные, обжигают даже сквозь чулки. — Прямо здесь. Чтобы они знали. Чтобы камеры видели. Чтобы завтра утром Мария Петровна нашла запись в архиве охраны и подавилась своим утренним эспрессо.

Его ладони легли на её колени, раздвигая их. Широко. Бесцеремонно. Вторгаясь в личное пространство так, как входит спецназ в захваченное здание.

— Они хотят спектакль, Воронов? — прошептала она, глядя ему в зрачки. Зрачки расширились, затопив радужку черной бездной. — Давай устроим им порнографию чувств.

Она потянула его за рубашку, притягивая к себе. Ткань затрещала. Пуговица, купленная вчера в театральном сундуке деда, отлетела и покатилась по полу, исчезнув во мраке.

Это не был секс. По крайней мере, не тот, о котором пишут в бульварных романах. Не было свечей, лепестков роз или томных вздохов. Это был акт агрессии против вселенной. Захват территории. Маркировка собственности зубами и ногтями.

Они катались по кровати, сцепившись, рыча друг на друга. Шелк простыней трещал под тяжестью тел. Максим фиксировал её запястья над головой одной рукой, лишая возможности двигаться, лишая выбора. Второй рукой он задрал подол её платья, сминая дорогой бархат равнодушными движениями человека, которому плевать на стоимость вещей.

Ева выгибалась навстречу, встречая силу силой. Её ногти впивались в его плечи, оставляя красные полосы на коже. Она отвечала укусом на каждый его поцелуй, целясь в шею, туда, где бился пульс.

В какой-то момент, когда потолок поплыл перед глазами цветными пятнами от нехватки кислорода, Максим замер. Оторвался от её губ тяжело, хрипло. Его лоб прижался к её лбу. Они дышали в унисон — два загнанных зверя, пойманных в капкан золотой клетки.

— Добро пожаловать в банду, Воронов, — выдохнула она ему в губы. — Надеюсь, ты умеешь стрелять.

— Научу, — пообещал он, прежде чем снова накрыть её рот своим.

За окном выл ветер. Метель заметала дорогу назад, превращая мир за стенами особняка в белое ничто. Дороги не будет до утра.

А внутри старого дома двое людей впервые за долгое время позволили себе быть живыми, сжигая мосты вместе с остатками кислорода в комнате. Война официально перешла в стадию открытого каннибализма.

Часть 7. Анатомия пустоты и света (08:30)

Утро началось не с будильника, а с ощущения холода. Настоящего, проникающего под одеяло холода, который бывает только в старых английских поместьях, когда генераторы начинают сдавать позиции перед натиском стихии.

Ева проснулась от того, что замерз нос. Она открыла глаза и уставилась в балдахин кровати незнакомого фасона. Прошло несколько секунд дезориентации, прежде чем память вернула вчерашний вечер кусками, как разбитое зеркало: вспышка софитов, запах горелого дерева, вкус крови во рту после поцелуя в библиотеке, вибрация телефона в кармане халата.

Она рывком села в постели. Простыни были ледяными. Нижняя губа пульсировала — Максим вчера был не слишком аккуратен, отвечая на её укусы. На шее саднил след его зубов, скрытый сейчас слоем тонального крема, который она нанесла механически, пока Елена Петровна отвернулась.

В комнате было тихо. Слишком тихо. Генератор в подвале работал на износ, выдавая монотонный гул, похожий на сердцебиение умирающего зверя. Электричество сэкономили. Ева встала, ежась, и подошла к окну. Стекло покрылось изнутри причудливыми морозными узорами. За стеклом была сплошная белая стена. Метель не прекращалась вторые сутки.

— Доброе утро, — голос Максима заставил её вздрогнуть. Он стоял в дверях спальни, прислонившись плечом к косяку. На нем не было привычного смокинга или даже кашемирового свитера. Только простая черная водолазка, заправленная в потертые джинсы. Плечи расслаблены, но челюсть напряжена так, что желвак ходил ходуном.

— Доброе, — отозвалась Ева. Голос сел за ночь, превратившись в низкий, прокуренный баритон. — Я думала, ты ушел проверять генератор еще ночью.

— Ушел. Вернулся, — он кивнул на свою руку, где болтались тяжелые механические часы на простом кожаном ремешке. — Три часа сорок минут сна. Оптимальный цикл REM для сохранения когнитивных функций при дефиците времени.

Он выглядел собранным. Идеально опасным. Но Ева видела то, чего не замечали другие: крошечную каплю засохшей крови у него на воротнике (её кровь) и ту самую армейскую рубашку Пьеро из сундука, которую он надел вместо крахмальной сорочки. Рукава были закатаны до локтей, обнажая предплечья, покрытые темной порослью волос и старыми шрамами.

Максим Воронов снял броню СЕО. Впервые за всё время их знакомства он выглядел просто мужчиной. Уставшим, злым и смертельно опасным.

— Мария Петровна ждет тебя внизу через десять минут, — сказал он, проходя к встроенному бару. Звук стекла о стекло прозвучал неестественно громко в утренней тишине. — Она хочет обсудить стратегию защиты активов за овсянкой на воде.

— Твоя мать считает калории даже во время апокалипсиса, — усмехнулась Ева, подходя к нему сзади. Она прижалась спиной к его спине, чувствуя жар его тела сквозь тонкий хлопок. — Как прошел визит к деду?

— Дед объявил меня героем революции, — Максим плеснул себе виски в тяжелый хрустальный стакан. — Сказал, что я наконец-то перестал быть фарфоровой куклой Марии. А потом передал мне флешку. Там компромат на Измайлова-старшего. Экологический отдел полиции уже выехал на объект «Тихая Гавань».

— Значит, мы банкроты? — Ева взяла протянутую ей чашку с кофе. Сахар. Молоко. Механика выживания.

— Мы ликвидны ровно настолько, чтобы оплатить вертолет МЧС, если метель не утихнет к вечеру, — он сделал глоток. — И купить тебе новые ботинки. Те армейские чудовища скрипят громче, чем совесть Алисы.

— Они удобные, — фыркнула Ева, делая глоток обжигающей жидкости. Кофе был горьким, как правда. — И они помнят, как правильно бить каблуком в висок. Хорошая инвестиция.

Максим издал звук, похожий на смешок, но без тени веселья. Обернулся. Прижал её к столешнице своим телом, лишая пространства для маневра. Его ладонь легла на её шею, большой палец нашел линию челюсти.

— Ты играешь с огнем, Лаврова, — произнес он тихо. В серых глазах не было льда. Была бездна. — Ты позволяешь моему деду видеть в тебе спасительницу династии. Ты даешь ему надежду там, где её быть не должно.

— Я просто хочу выжить, Макс, — она подняла голову, сокращая расстояние между их лицами до опасного минимума. — Как и ты. Разница лишь в том, что мои долги измеряются деньгами, а твои — кровью твоего отца.

Его дыхание сбилось. Всего на долю секунды, но она уловила это. Заметила, как дернулся кадык.

— Контракт сгорел, — прошептал он, наклоняясь ниже. Их лбы соприкоснулись. — Остался только факт. Держись за меня.

Часть 8. Код «Черная метка» (11:00)

Завтрак превратился в химическую войну нервов.

Мария Петровна сидела во главе стола, прямая как шпиль Петропавловской крепости. Напротив неё Алиса размешивала сахар в чае серебряной ложечкой. Движения были выверены до миллиметра — идеальный механизм самообладания.

Ева сидела по правую руку от Максима. Между ними лежало пространство длиной в империю. Она намеренно выбрала место, откуда могла видеть реакцию каждого. На ней было простое темно-синее платье-футляр. Никаких бриллиантов Шанель, которые пыталась навязать стилист утром. Никакой брони. Только плотный шелк, подчеркивающий каждый изгиб.

— Расскажи мне о театре, Ева, — внезапно подал голос Леонид Григорьевич, нарушая гробовое молчание звоном ложки о блюде. — Говорят, современный театр — это сплошная грязь и мат. Правда?

Ева отложила нож для рыбы. Посмотрела на свекровь. Мария Петровна медленно положила вилку. Звук удара серебра о фарфор прозвучал как щелчок взводимого курка.

— Театр, Леонид Григорьевич, — голос Евы прозвенел сталью, перекрывая шум дождя за окном, — это единственное место, где ложь считается добродетелью, если она оплачена зрителем. Вчера вечером ваш внук пытался продать мне любовь оптом. Но склад оказался пуст. Пришлось импровизировать.

Алиса поперхнулась водой. Её идеальная осанка дала едва заметный сбой.

Максим же смотрел на Еву долгим, тяжелым взглядом. В серой стали его глаз больше не было корпоративного льда. Там плавился металл. Признание равного хищника.

— Хватит, — бросил он, вставая. Звук отодвигаемого стула прозвучал как выстрел. — Завтрак окончен. Всем спасибо. Ева, пойдем.

Он взял её под локоть. Жест собственника. Не просьба — приказ. Они вышли из столовой, оставляя за собой остывающий труп завтрака.

Как только двери малой гостиной закрылись за ними, отсекая звуки дома, Максим остановился.

— Докладывай, — приказал он, поворачиваясь к ней лицом. Теперь, без свидетелей, маска холодного аналитика вернулась на место, но трещина в ней стала шире.

— Марк вышел на связь час назад, — Ева говорила быстро, чеканя слова. — Утечка сработала. Компромата достаточно, чтобы посадить старшего Измайлова лет на пятнадцать за экологические преступления в Сочи. Плюс отмывание через ФИФА. Интерпол уже открыл дело. Штейн блокирует наши счета вручную через ЦБ, пытаясь спровоцировать панику вкладчиков раньше, чем новости попадут в РБК.

— Реакция рынка? — Максим достал сигарету, закурил прямо в коридоре, игнорируя датчики дыма. Дым сизой струйкой потянулся к потолочной лепнине.

— Паника. Акции падают камнем. Но... — Ева сделала паузу, наслаждаясь моментом. — Инвесторы начали выводить средства из фонда Измайловой ещё до звонка биржи. Слухи работают быстрее юристов. Твоя бывшая почти потеряла три миллиарда, пока допивала свой сельдереевый сок.

Уголок рта Максима дрогнул в подобии улыбки. Первый настоящий признак жизни за день.

— Умно. Использовать их же оружие.

— Это называется ассиметричный ответ, директор, — она шагнула ближе, вторгаясь в его личное пространство. Запах табака ударил в ноздри. — Мы не будем играть по правилам Сити. Мы дадим им бульварный роман.

— Продолжай, — он затушил сигарету в тяжелой бронзовой пепельнице, которой здесь не должно было быть.

— Сегодня днем твой пресс-секретарь выпускает релиз, — Ева заговорила тише, почти касаясь губами его уха. — «Корпорация Воронов инициирует внутреннее расследование деятельности "СтройВека" на предмет мошенничества». Вечером анонимный слив в Telegram. Фотографии яхты Алисы, документы о счетах в Цюрихе, видео с камер наблюдения стройплощадки...

— Понял, — оборвал он её. — Мне нужен канал связи с Марком. Прямой. Без посредников.

— Уже, — она достала из кармана старенькую Nokia. Черный пластик, стертые кнопки. Антиквариат. — Спутниковый бридж активирован. Частота меняется каждые пять минут. Засечь невозможно, если не знать алгоритм перестановки. Связь есть. Пока.

Максим забрал у неё телефон. Повернул в руках, рассматривая царапины на корпусе. Этот кусок пластика стоил дороже, чем вся гарнитура охраны особняка.

— Что дальше? — спросил он, возвращая аппарат. Взгляд стал жестким, расчетливым. Режим боя.

— Дальше самое интересное, — Ева позволила себе хищную улыбку. — Помнишь наш разговор про подземелье? Про тайники твоего отца?

— Говори.

— Под западной оранжереей, за фальш-панелью винного погреба, находится комната-сейф. Температура постоянная. Влажность контролируется. Старый архив VHS-кассет и дискет. Отец хранил там копии всех грязных сделок девяностых. Включая те, что касаются юности самого господина Измайлова.

Максим замер. Воздух вокруг них словно загустел.

— Откуда...

— Инсайды, Воронов, — она пожала плечами, поправляя лацкан его пиджака. — Люди любят болтать с прислугой. Горничные фонда ненавидят хозяйку сильнее, чем налоговую. Оказывается, счета за орхидеи оплачиваются из пенсионного фонда медсестер центральной клиники. Милый штрих к портрету филантропа.

Максим молчал долго. Смотрел на неё сверху вниз. В полумраке коридора свет канделябра падал так, что одна половина его лица была в тени, а вторая казалась высеченной из камня.

— Ты взломала мой дом, — констатировал он ровным голосом. В этой фразе не было злости. Было чистое, дистиллированное уважение хищника к другому хищнику.

— Я защищала свой лоток, — парировала она, цитируя его же фразу про кота Барса. — Не отвлекайся. У нас мало времени. Нам нужно шоу.

— Какое шоу? — он нахмурился.

— Ультиматум наоборот, — Ева обошла его, направляясь обратно в сторону библиотеки. — Если они хотят театра, мы дадим им Гран-Гиньоль. Кровавый балаган.

Она толкнула тяжелую дверь кабинета. Подошла к глобусу-бару в углу. Достала бутылку коньяка. Два стакана. Поставила на стол с резким стуком.

— Садись, — бросила она, занимая кресло хозяина империи. Закинула ногу на ногу. Платье задралось неприлично высоко. — Слушай внимательно. План такой...

Часть 9. Архитектура хаоса (12:00 – 14:00)

План рождался в сигаретном дыму и парах алкоголя. Это была самая чистая стратегия, которую Максим Воронов разрабатывал за последние десять лет. Потому что впервые в уравнении отсутствовала переменная «деньги». Остались только люди. Страх. И ненависть.

— Мы не будем оправдываться, — Ева рисовала схему маркером на стеклянной поверхности журнального столика. — Оправдание всегда пахнет слабостью. Мы переходим в атаку.

Шаг первый: Официальное заявление. Сухое. Юридическое. «Ввиду необоснованных обвинений стороны Измайловых, корпорация Воронов вынуждена подать встречный иск о защите деловой репутации и взыскании ущерба, причиненного инсайдерской атакой».

Шаг второй: Слив данных. В девятнадцать ноль-ноль серверы трех крупнейших Telegram-каналов деловых новостей получают архивы. Не просто PDF. Видео. Лицо Измайлова-старшего. Номера счетов. Координаты виллы в Порто-Черво.

Шаг третий: Свадьба. — Ева подняла взгляд на Максима. — Самая пышная свадьба сезона. Трансляция на весь мир.

— Ты сошла с ума, — Максим раздавил окурок в хрустальной пепельнице. — Брак с Алисой прописан в учредительных документах. Это защита пакета акций.

— Нет, — Ева наклонилась через стол. Декольте её платья разошлось чуть больше допустимого приличиями. — Брак с Алисой — это поражение. Это признание вины. Мы сделаем иначе.

Она встала. Обошла стол. Опустила ладони на плечи Максима, стоявшего за её спиной. Наклонилась, прижимаясь грудью к его затылку.

— Мы женимся. По-настоящему. Сегодня. Здесь. Перед телекамерами.

Максим напрягся под её руками. Дерево спинки кресла жалобно скрипнуло.

— Исключено. Совет директоров...

— Совета директоров больше нет, — отрезала она, её губы щекотали мочку его уха. — Есть только активы и пассивы. Если ты женишься на Алисе, ты признаешь её право на управление. Станешь младшим партнером в собственной компании. Собакой на сене. Если ты женишься на мне, Воронов, происходит консолидация. Я становлюсь твоей женой де-факто. Судьба моих денег становится твоей судьбой. Чтобы забрать моё, им придется убить тебя. А убивать владельца контрольного пакета — плохая примета для индекса Dow Jones.

Она выпрямилась. Вернулась на свое место. Поправила прическу небрежным движением.

— Мы объявим о помолвке сегодня вечером. Сразу после моего танца. Пусть твоя мать подавится своим бланманже.

Максим сидел неподвижно. Смотрел на неё так, словно видел привидение. Вся система координат, построенная на логике МВА и праве сильного, рухнула. Эта девчонка из коммуналки только что предложила ему сделку века, используя правила Уолл-стрит против самих себя.

— Это самоубийство, — выдохнул он.

— Это арбитраж, — поправила она. — Покупка недооцененного актива. Меня. Купи билет, Воронов. Шоу начинается через два часа.

Она встала. Поправила платье. Движение было механическим, лишенным всякого кокетства. Бизнесмен закрывает сделку.

— И скажи кому-нибудь принести нам пищу. Маргарита. С двойным сыром. Умираю с голоду.

Дверь за ней закрылась с мягким пневматическим шипением.

Максим остался один в кабинете. Он посмотрел на свои руки. На костяшки, сбитые вчера в кровь о стену библиотеки. Перевел взгляд на экран терминала. Красные графики продолжали падать.

Но впервые за десять лет этот вид не вызывал паники. Вызывал азарт.

Он нажал кнопку интеркома.

— Елена. Соедините меня с шеф-поваром. И отмените заказ черной икры. Отправьте в Розенталь запрос на тонну простой московской пиццы. С пепперони.

За окном выл ветер, заматавая дорогу к старой жизни. Внутри дома начиналась самая сложная репетиция в карьере Евы Лавровой. Генеральный прогон перед концом света.

Глава 48. Анатомия пустоты

Часть 1. Декорации реальности (09:00)

Звук, с которым закрылась входная дверь квартиры Евы Лавровой, был звуком упавшего занавеса. Не того тяжелого бархатного занавеса Большого театра, способного заглушить выстрел, а дешевого, пыльного плюша какой-нибудь районной студии «Юность», пропитанного запахами мастики и чужого пота. Щелчок замка прозвучал как финальный аккорд симфонии, после которого оркестровая яма проваливается в преисподнюю.

Тишина полуподвала была другой природы. Если тишина пентхауса Максима Воронова на сто пятидесятом этаже башни «Федерация» звенела стерильным озоном дорогого климат-контроля и гулом серверов, то здесь звук имел вес. Это была густая, осязаемая субстанция — смесь запаха мокрого кирпича, вековой пыли в трещинах паркета и сладковатой гнили старых театральных костюмов, которые всё еще хранились в шкафу со времен её студенчества.

Ева стояла посреди своей гостиной-студии и смотрела на окно. За толстым, неровным стеклом бушевала метель. Но отсюда, снизу, она выглядела иначе. Там, наверху, в Серебряном Бору, снег был декорацией рождественской открытки — пушистой, праздничной, скрывающей грехи под белым саваном. Здесь же это была просто ледяная взвесь, грязно-серая каша, летящая параллельно земле. Мир исчез. Осталась только белая стена, отрезающая кислород.

Она простояла так минут десять. Дыхание выровнялось само собой, перейдя в тот ровный, глубокий ритм, которому учат на первом курсе актерского мастерства перед выходом на сцену. Вдох на четыре счета. Задержка. Выдох на восемь. Система охлаждения организма включалась медленно, вытесняя адреналиновый яд вчерашней ночи.

Вчера... Воспоминание ударило под дых, заставив пальцы непроизвольно сжаться в кулаки до побелевших костяшек.

Вчерашний вечер казался сном, снятым Лукино Висконти на пленку VHS. Золотой свет канделябров, тяжелый бархат портьер, хруст крахмальных салфеток. И Максим. Господи, Максим.

Память подбрасывала кадры избирательно, жестоко. Не его лицо во время ультиматума Кречетова — там была лишь маска CEO, высеченная из гранита. Память подсовывала другое:

теплую кожу его шеи под её губами в кабинете. Запах табака и озона. То, как он держал её голову двумя руками в темноте сервера, когда погас свет, шепча алгоритм дыхания, чтобы вытащить её из панической атаки.

«Дыши. На мой счет».

Ева тряхнула головой, отгоняя видение. Мозг работал четко, холодно, препарируя воспоминания скальпелем патологоанатома.

Анализ: Объект проявляет признаки привязанности.

Статус: Ошибка системы. Файл поврежден. Доступ запрещен.

Она сбросила пальто прямо на пол. Дорогая шерсть скользнула по паркету без единого звука — квартира проглотила звук. Этот жест — бросить вещь стоимостью в годовую зарплату учителя где попало — был актом мелкого вандализма. Броня сползла вместе с тканью. Здесь, в своем логове, ей не нужно было держать спину ровно.

Квартира встретила её эхом. Огромная коробка пространства под крышей старого доходного дома, которую агент по недвижимости пафосно обозвал «лофтом с элементами классицизма». Для Евы это был гроб. Идеально пропорциональный ящик, обитый изнутри фальшивым золотом лепнины, которая уже начала осыпаться от сырости.

Она прошла в ванную. Включенный кран издал ржавый стон, прежде чем выплюнуть струю воды цвета спитого чая. Ева подставила руки под ледяную струю. Холод обжег кожу, возвращая чувствительность. Она плеснула водой в лицо, пытаясь смыть остатки сна и въевшийся запах чужого парфюма Марии Петровны.

Мария...

Образ свекрови всплыл сам собой, четкий, как рентгеновский снимок. Прямая спина, шея вытянута, подбородок вздернут. Королева-мать в изгнании. Её утреннее появление в столовой Воронов-тауэр было шедевром перформанса. Мария Петровна не вошла — она материализовалась. Шелковый пеньюар цвета слоновой кости, ни одной складочки на ткани, хотя сама ночь явно прошла без сна. Лицо — гипсовая маска святой мученицы, принимающей страдания ради семьи.

— Я понимаю юношеский максимализм, детка, — голос Марии Петровны сочился патолой, способной отравить колодец. — Мы все проходили через бунтарство. Но кожа... это профессиональное? Или ты просто плохо спишь?

Ева вспомнила этот момент сейчас, стоя над раковиной в своем полуподвале, и уголок её рта дернулся в усмешке. Какая изящная формулировка. Намек на нищету («дешевые гостиницы») и обвинение в неблагодарности («ты плохо спишь»), упакованные в заботу. Высший пилотаж пассивной агрессии.

Она вытерла лицо полотенцем. Посмотрела на себя в зеркало над раковиной. Зеркало было старым, пошло мутными пятнами у краев. Из амальгамы на неё смотрело чужое лицо. Бледное до синевы, с тенями под глазами, которые не скрыть никакой пудрой. Губы искусаны — след вчерашнего поцелуя в коридоре, когда они репетировали танец смерти. Нижняя губа слегка припухла.

Ева провела пальцем по стеклу, оставляя дорожку в испарине.

Из зеркала на неё смотрела Ева Лаврова. Двадцать восемь лет. Актриса погорелого театра. Содержанка поневоле. Девочка, которая слишком долго играла взрослую женщину и наконец-то сломала себе позвоночник под тяжестью этой роли.

Она отвернулась от зеркала. Ненавидела смотреть на себя по утрам. Слишком много правды.

Одежда лежала на кресле горой. Тот самый костюм Арлекина из сундука деда. Полосатые штаны, рубаха Пьеро. Вчера вечером эта ветошь казалась броней, оружием абсурда против мертвого этикета Вороновых. Сейчас это были просто грязные тряпки. Симулякры. Костюм шута для бала-маскарада призраков.

Ева прошла на кухню. Узкое пространство между плитой и холодильником. Лаборатория выживания.

На столе стояла турка. Медная, старая, помятая. Реликвия матери, привезенная из Одессы. Ева поставила её на огонь. Газ вспыхнул синим цветком.

Запах кофе наполнил комнату. Горький, густой, честный. Никаких ароматизаторов «лесной орех» или «ирландские сливки». Просто жареные зерна, вода и медная жечь.

Она насыпала две ложки с горкой. Залила кипятком из чайника. Поставила на крошечную электрическую плитку.

Пока вода нагревалась, она смотрела на свои руки. Тонкие запястья, длинные пальцы с коротко стриженными ногтями — некогда ухоженными, а теперь обгрызенными почти до мяса. Кожа на ладонях загубела от холода и постоянного мытья посуды в холодной воде.

Руки помнили. Они помнили тяжесть серебряной ложечки Fabergé, которой она вчера утром размешивала сахар в чашке Версаче. Помнили гладкость мраморной столешницы в кухне Воронов-тауэр. Помнили шершавость твидового пиджака Максима, когда она висела на нём в библиотеке, целуя так, словно хотела выпить его досуха.

Электрический чайник щелкнул, выключаясь. Ева вздрогнула. Звук собственного быта казался оглушительным после акустики особняка, где каждый шаг поглощался коврами ручной работы.

Она заварила растворимый кофе. Самый дешевый. Тот, что пахнет пережженным цикламеном и химией. Налила кипятка. Размешала пластиковой ложечкой.

Села за стол. Обхватила горячую кружку обеими руками, пытаясь согреть окоченевшие пальцы.

Голод пришел внезапно, выбив остатки транса. Спазм желудка скрутил внутренности узлом. Ева ненавидела это чувство. Голод означал потерю фокуса. Потеря фокуса означала смерть. Профессиональная деформация каскадерской школы — тело всегда должно быть направлено топливом под завязку.

Она встала. Достала хлеб. Сыр. Масло. Механика движений отработана годами. Открыть холодильник — хлопок. Отрезать — скрип ножа. Намазать — ровный слой. Собрать бутерброд.

Она села. Поднесла еду ко рту. Откусила.

Прожевала.
Проглотила.

Хлеб на вкус напоминал влажный картон. Сыр — кусок безвкусного пластика. Организм принимал топливо, но мозг отказывался регистрировать удовольствие. Рецепторы забастовали. Солидарность с бастующим разумом.

Ева положила вилку. Смотрела на свою тарелку. Обычная керамика из масс-маркета. Синее пятно по краю. Когда она успела разбить посуду? Не важно.

Всё вокруг казалось подделкой. Декорациями спектакля, в котором забыли написать реплики.

Она посмотрела на часы. Десять утра.

За окном серые сумерки переходили в серый день. Москва продолжала переваривать людей, машины и снег, даже не подозревая, что империя Вороновых балансирует на краю пропасти.

Ева встала. Прошла в спальню. Упала на кровать лицом вниз. Закинула руку за голову, закрыв глаза.

Адреналиновый отходняк после вчерашнего вечера накрывал тяжелой бетонной плитой. Каждая мышца ныла тупой, фантомной болью. Тело требовало разрядки, которой не случилось. Поцелуй в кабинете не принес облегчения. Он добавил огня в топку, превратив тревогу в чистое, неразбавленное топливо. Теперь оно жгло изнутри, не находя выхода.

Она перевернулась на спину. Уставилась в потолок. Лепнина пошла мелкими трещинами. Паутина в углу трепетала от сквозняка.

«Мы банкроты», — подумала она. Слово не вызвало страха. Оно констатировало факт. Как прогноз погоды.

Они банкроты. Не только финансово. Банкротство души страшнее цифр на мониторе. Когда твой внутренний сейф взломан, а золото эмоций украдено человеком, который смотрел на тебя так, будто собирался либо убить, либо выкупить весь мир — возвращаться к прежним настройкам невозможно.

Она протянула руку к тумбочке. Нащупала телефон. Старая Nokia, купленная в переходе метро неделю назад. Контрактный смартфон Vertu остался в спальне Воронов-тауэр. Хорошая девочка не носит бриллианты на завтрак к врагам.

Экран мигнул. Сети нет. Только одна палочка экстренной связи Iridium — подарок Марка, воткнутый в самодельный ретранслятор, собранный ею же из деталей разобранного ноутбука Макса. Связь будет рваной. Но она есть.

Ева открыла мессенджер. Диалог с Максом. Последнее сообщение от него датировано 03:15 ночи.

[Максим]: Коттедж затоплен. Марк перекрыл периметр. Жди инструкций.

Ни ответа на её ночное фото заснеженного двора. Ни вопроса, добралась ли она. Ничего. Сухой протокол операции.

Ева уставилась на зеленую точку «Онлайн» рядом с его аватаром. Он был там. Сидел в своем стеклянном гробу на сто пятидесятом этаже. Пил коньяк. Или считал убытки. Или смотрел на ту самую запись камер наблюдения, где она висит на нем в коридоре, впиваясь зубами в воротник.

Пальцы сами набрали сообщение. Короткое. Без приветствий.

«Склад "ТрансЛогистик". Восточный терминал. Склад №4. Папка "Архив-98" в полу под третьей половицей слева от входа. Код — дата твоего рождения».

Отправить.

Сообщение ушло. Одна синяя галочка. Прочитано. Две синие появились через секунду. Ответа не последовало.

Ева отложила телефон.

Она больше не была девочкой из коммуналки, играющей в бедность.

И она не была фарфоровой куклой Воронов-тауэр, играющей в жену.

Она достала из-под кровати спортивную сумку. Затолкала туда смену белья, зубную щетку, старый кнопочный телефон. Документы. Те самые, копии которых она сделала ночью в архиве отца Максима, пока он думал, что она спит.

Затем она подошла к шкафу. Достала вешалку. Черный брючный костюм Мах Мага. Строгий, асексуальный, идеальный для похорон чьей-то карьеры. Белая блузка. Никаких украшений. Никакого жемчуга.

Только тяжелые ботинки Dr. Martens на толстой подошве. Удобная обувь для бега по пересеченной местности.

Ева оделась. Застегнула пуговицы. Поправила воротник. Проверила карманы. Ключи. Телефон. Зажигалка.

Она взяла куртку. Натянула капюшон.

Подошла к двери. Положила ладонь на холодный металл ручки.

За спиной, в глубине комнаты, на стене плясали тени от единственной лампочки. Театр теней имени Анны Карениной.

Ева выдохнула. Открыла дверь. Шагнула в ледяной ад подъезда.

Вой ветра в лестничном пролете показался ей аплодисментами.

Занавес поднялся. Улица ждала свою приму.

Часть 2. Фабрика грез скучающих людей (10:15 – 12:30)

Театр «Синтез» на окраине города всегда напоминал Еве склеп, в котором забыли похоронить труп. Запах здесь стоял специфический — смесь застарелой пыли, клея ПВА, прелой шерсти и дешевого кофе из аппарата в холле, который переваривал желудки актеров быстрее, чем критики их роли.

Сегодня этот запах казался особенно удушливым.

Ева стояла за кулисами малой сцены, прижавшись виском к шершавому дереву задника. Сквозь тяжелую бархатную портьеру доносился гул зрительного зала — не тот восторженный рокот премьеры, а сытое, ленивое жужжание полусонных спонсоров, пришедших отсидеть положенное время ради галочки в благотворительном отчете. Сегодня давали сборный концерт «Золотые имена провинции». Благотворительность для своих. Сборная солянка из забытых звезд сериалов про ментов и студентов театральных вузов четвертого курса, готовых грызть паркет за право выйти на сцену.

Она должна была читать монолог Сони из «Дяди Вани».
«Мы, дядя Ваня, будем жить...»

Текст Чехова сейчас звучал как издевательство. Самая жестокая насмешка драматурга над людьми, запертыми в коробке с пыльными обоями.

— Соня! — голос помощника режиссера прозвучал прямо над ухом, заставив Еву вздрогнуть. — Твой выход через минуту. Где ты ходишь? Опять курила?

— Дышала, — ровно ответила Ева, не поворачиваясь. Она смотрела на свои руки. На костяшке указательного пальца темнела свежая ссадина — след вчерашней репетиции во флигеле, когда она слишком сильно сжала древко кочерги. Руки помнили тяжесть металла. Помнили холод стекла оранжереи под босыми ногами.

— Давай, соберись, — помощник похлопал её по плечу. Жест был механическим. — Третий звонок. Иди работай.

Он ушел, шаркая стоптанными кроссовками. Ева осталась одна.

Она закрыла глаза. Попробовала войти в предлагаемые обстоятельства. Представить себя... где? Кем?

Соня. Докторская дочка. Увядающая роза уездного уезда. Ожидание лучшей жизни, которое само по себе становится болезнью.

Раньше это срабатывало. Стоило закрыть глаза, сделать вдох поглубже, и реальность отступала. Театр был наркотиком. Выход на сцену — инъекцией морфия. Страх перед выходом трансформировался в электричество, которое било в кончиках пальцев, делая тело легким, почти невесомым. Ты переставала быть собой. Позволяла персонажу сожрать тебя заживо, заполнить изнутри своим голосом.

Сейчас ничего не происходило.

Она открыла глаза. Посмотрела на свою ладонь. Та дрожала мелкой, противной дрожью. Не от волнения. От нехватки сахара в крови и переизбытка кортизола. Организм требовал бежать. Бороться. Замирать. Древние инстинкты рептилии кричали о хищнике за спиной, но вокруг были только пыльные кулисы и мигающая красная лампа дежурного освещения.

Ева шагнула на сцену.

Свет ударил в лицо ослепительным софитом. Жар прожекторов опалил кожу. Из зала пахло душным теплом человеческих тел, запахом мокрой обуви и нафталина.

Она дошла до центра. Остановилась. Сделала ту самую паузу, которой учили в ГИТИСе. Пауза ожидания. Мхатовская пауза, которая должна держать зал в кулаке.

Зал молчал. Сыто, тяжело. Кто-то в третьем ряду громко зевнул, прикрыв рот программкой.

— «Надо верить, что если мы сами не будем лгать...» — начала Ева. Голос прозвучал хрипло. Чужой. Звук вернулся к ней эхом от задних рядов и умер, не долетев до стен.

Она продолжила. Механически. Как заводная кукла. Шаг вперед. Поворот головы. Взмах ресниц. Всё было правильно. По учебнику. Мастерство сценической речи профессора Смольного. Артикуляция. Дикция. Поставленный посыл.

Но магии не было. Провода перерезало еще вчера ночью, там, в кабинете Воронов-тауэр, когда его пальцы впились в её затылок, вышибая дух вместе с паникой.

Здесь, на сцене, она была голой. Не потому, что платье просвечивало. А потому, что внутри было пусто. Абсолютный вакуум. Черная дыра вместо солнечного сплетения, втягивающая любой свет без остатка.

Она играла любовь. Играла надежду. Играла то самое знаменитое чеховское «надо работать», которое должно вызывать слезы очищения.

Внутри же разливалась лишь густая, черная желчь презрения. К этим людям в зале. К их норковым шубам, купленным на откаты. К их фальшивым бриллиантам Марии Петровны. К самой себе, стоящей здесь за еду и возможность спать в тепле.

— «Мы увидим всё небо в алмазах...» — прошептала она финальную фразу.

Голос дрогнул на слове «небо». Горло перехватило спазмом, но это была не эмоция персонажа. Это был спазм ярости. Желание разбить эти стеклянные звезды люстр тяжелым булыжником реальности.

Она опустила голову. Замерла. Финальная поза.

Тишина.

Густая, вязкая тишина полуподвала.

Где-то в темноте партера кашлянули. Потом еще раз. Неловко.

Затем раздалась жидкие, вежливые аплодисменты. Похлопывания по карманам в поисках программки. Шарканье ног.

Ева стояла неподвижно. Ждала команды помрежа. Но её не было. Про неё забыли. Свет так и бил в лицо, превращая её в темное пятно на фоне декораций.

Она медленно подняла голову. Посмотрела в зал.

Там, в полумраке, сидели люди. Они смотрели на неё, но не видели. Для них она была функцией. Эмоциональным суррогатом. Способом почувствовать себя живыми, не вставая с кресел.

Ева сорвала с шеи микрофон-петличку. Резкий треск пластика разорвал тишину.

Она швырнула его на планшет помощника режиссера, лежавший на стуле сбоку. Экран планшета вспыхнул белым и погас.

— Заводи давай, — бросила она осветителю, проходя мимо рубки. — Или туши эту лампаду. Глаза болят.

Не дожидаясь ответа, она пошла за кулисы. Спустилась по металлической лестнице в трюм. Под сцену. Здесь пахло сыростью, мышами и машинным маслом. Родной запах подвала. Настоящий запах дна.

Она села на перевернутый ящик из-под лимонада. Обхватила колени руками. Уставилась в бетонную стену, покрытую потеками влаги.

Пульс медленно замедлялся, переходя из режима «паника-бей» в режим глубокого анабиоза.

Адреналиновый шторм спектакля схлынул, оставив после себя выжженную пустыню и звон в ушах.

Она достала из кармана сигарету. Закурила. Выпустила дым в низкий потолок подвала. Сизые клубы поплыли между трубами отопления.

Всё потеряло вкус.

Кофе утром — картон. Хлеб — бумага. Любовь Максима — высоковольтный разряд, оставивший ожоги третьей степени. Даже страх стал пресным. Она так долго боялась остаться на улице, что привыкла к этому чувству, как привыкают к хронической боли в суставе. Пересташь замечать, пока не пойдет дождь.

Телефон в кармане завибрировал. Коротко, дважды. Сигнал экстренного канала. Ева достала Nokia. Экран мигнул зеленым. Одно слово:

[МАРК]

Объект активен. Вышел на связь.

Максим. Живой. Сидит в своем аквариуме. Считает убытки. Или смотрит порно. Или пьет.

Какая разница.

Она затушила сигарету о бетонную колонну. Поднялась. Отбросила плед, которым укрывалась плечи.

Нужно было ехать домой. В Марьино. В студию, которая стоила дешевле, чем пуговица на манжете Макса. Там ждал Барс. И остывший чайник. И счета за коммуналку, которые придут завтра и которых нечем будет оплатить.

Ева поправила волосы, глядя в мутное зеркало над ржавой раковиной в углу. Пригладила выбившуюся прядь. Поправила воротник платья.

Натянула маску обратно. Ту самую, которую носила последние пять лет. Маску профессиональной актрисы. Девушки, у которой всё под контролем.

Она вышла из театра через черный ход.

На улице мело. Снег забивался за шиворот, таял, стекая ледяными ручейками по позвоночнику.

Ева подняла воротник пальто, которого у неё не было — оно осталось в особняке Вороновых, брошенное на диван в гостиной.

Ничего. Холод полезен для цвета лица.

Она дошла до остановки. Залезла в битком набитый автобус. Повисла на поручне, зажмурившись от запаха чужого парфюма и перегара.

Обычная жизнь. Обычное дно.

Только теперь она знала, что где-то там, в башне из стекла и бетона, сидит человек, который умеет выключать звук мира одним нажатием кнопки.

И он обещал научить её стрелять.

Часть 3. Температурный шок (16:00)

Дом встретил её мертвым молчанием подъезда. Лампочка на первом этаже моргала в предсмертной агонии, отбрасывая на стены рваные тени. Старый лифт кашлял и скрипел, поднимая её на седьмой этаж, словно старый гроб, застревающий между мирами.

Замок щелкнул сухо. Электронный писк показался оглушительным.

Квартира дышала холодом. Радиаторы сипели, выдавая капли ржавой воды, но тепла не было. Экономия. Режим консервации жилого фонда.

Ева вошла внутрь и сразу содрала с себя уличную одежду. Бросила ботинки в угол. Стащила свитер. Прошлепала босиком на кухню.

Холод плитки обжег ступни, приводя в чувство лучше нашатыря.

Она включила воду. Повернула кран до упора. Горячая вода шла тонкой, жалкой струйкой, отдавая запахом тухлых яиц — старые трубы опять травили воздух сероводородом.

Ева подставила ладони под ледяную струю. Сжала-разжала пальцы. Вода покраснела — кожа на ладонях была стерта в кровь веревками страховочного пояса вчера в оранжеее. Смешно. Спасая империю стоимостью в миллиарды, она сорвала себе руки о грязный трос пожарной лестницы.

Она вернулась в комнату. Достала из шкафа свой единственный "выходной" наряд — черное платье-комбинацию, купленное три года назад на распродаже аутлета. Тонкое, дешевое, прилипающее к телу. Рядом валялись армейские ботинки. Контраст текстур — шелк и грубая кожа. Её любимый стиль. Гранж умирающей аристократии.

Ева переделалась. Медленно. Методично. Каждое движение было рассчитано. Проверка костюма перед выходом на сцену второго акта.

Она подошла к зеркалу в коридоре. Старое, бабушкино, в тяжелой раме из темного дерева. Когда-то давно, в прошлой жизни, они с матерью привезли его с блошиного рынка. Мать тогда сказала: «В таком только покойников рассматривать».

Из зеркала смотрела Ева Лаврова. Двадцать восемь лет. Актриса-неудачница. Содержанка поневоле. Профессиональная манипуляторша психики собственного мужа.

Платье висело на острых ключицах. Ребра проступали под кожей. Колени торчат. Волосы собраны в небрежный узел на макушке, открывая длинную, уязвимую шею.

Она выглядела голодной. Опасной. Как хорек, загнанный в угол собачьей будки.

Ева провела ладонями по лицу. Стерла остатки сна. Коснулась пальцами губ. Вспомнила поцелуй в серверной. Сухой, жесткий, лишенный всякой романтики. Максим не целовал её — он ставил клеймо. Метил территорию зубами, чтобы другие волки знали: эта падаль занята.

Она оттолкнулась от зеркала. Прошла в гостиную. Упала на диван, закрыв лицо руками.

Заплакать не получалось. Слезы замерзли где-то глубоко внутри, превратившись в острые осколки стекла. Каждый вдох царапал легкие изнутри.

Она ненавидела это состояние. Эту звенящую пустоту после выброса адреналина. Когда тело уже сделало работу, спасло хозяина, выпрыгнуло из горящего здания, а мозг догоняет реальность с опозданием в сутки, накрывая жесточайшей депрессией.

Она проиграла.

Мысль пришла холодной, ясной, отрезвляющей волной. Никакого самобичевания. Просто факт. Констатация убытка.

Они думали, что играют ва-банк. Что ставят на кон репутацию.

На самом деле они поставили на zero саму структуру времени.

Ультиматум Кречетова означал одно: завтрашнее утро может не наступить. Если Марк не найдет компромат. Если дед не успеет перевести активы. Если Штейн нажмет кнопку отмены транзакций раньше, чем курьер принесет пиццу.

Ева встала. Подошла к окну. Прижалась горячим лбом к ледяному стеклу.

Снаружи царил белая мгла. Снег заметал город, машины, судьбы. Идеальная декорация для конца света.

Она посмотрела вниз. Двор-колодец. Мусорные баки, занесенные снегом по крышу детской площадки. Одинокий фонарь, качающийся на ветру, роняющий желтый болезненный свет на сугробы.

Там, внизу, жила её прошлая жизнь. Комната в коммуналке. Мать, считающая копейки на лекарства. Очереди в собесе. Запах хлорки и вареной капусты в подъезде.

Тот мир был честным. Боль была физической. Голод — настоящим. Страх имел четкую форму человека в форме судебного пристава.

Здесь, в квартире стоимостью в миллион долларов, боль была абстрактной. Цифры на экране. Красные графики. Ультиматумы адвокатов.

Ева отошла от окна. Вернулась к дивану. Села, подобрав под себя ноги.

Она взяла телефон. Разблокировала экран. Открыла галерею.

Последняя фотография. Случайный кадр. Камера поймала момент в библиотеке, когда Максим отвернулся к камину. Профиль. Резкая линия челюсти. Тень от ресниц.

Фотография преступника. Фотография бога.

Она нажала «Удалить».

Подтвердила действие.

Экран погас.

Если игра окончена, кэш нужно чистить. Никаких сентиментальных закладок.

Ева легла, свернувшись клубком. Натянула на себя колючий шерстяной плед. Закрыла глаза.

Приказала себе уснуть. Четкий алгоритм восстановления системы. Sleep mode. Four hours minimum.

Но сон не шел.

Перед глазами плясали красные графики котировок. Лицо Алисы Измайловой, улыбающееся фарфоровой улыбкой убийцы. И губы Максима на своей шее. Твердые, неумолимые, ставящие точку в приговоре.

Она провалилась в забытие резко, без перехода, словно кто-то просто выдернул вилку из розетки. Последней мыслью, угасающей искрой в меркнувшем сознании, было осознание того, что температура её тела наконец сравнялась с температурой льда за окном.

Абсолютный ноль.

Часть 4. Звонок из мертвого дома (17:30)

Сон не принес забвения. Он принес лишь смену декораций и повышение разрешения кошмара.

Ева вынырнула из темноты резко, как утопающий пробивает поверхность воды. Вдох обжег легкие ледяным воздухом квартиры. Она села на диване рывком, судорожно хватая ртом воздух. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь пульсацией в барабанных перепонках.

Тишина.

Густая, осязаемая тишина полуподвала, которую не нарушало даже урчание холодильника — он давно умер вслед за надеждами Евы на спокойную старость. За окном мрак стужился до состояния чернил. Фонарь во дворе моргал агонизирующим желтым светом, бросая на потолок рваные тени умирающего насекомого.

Она провела ладонью по лицу. Кожа была липкой от холодного пота. Сон запомнился детально, в формате 4K, со звуковой дорожкой Dolby Atmos. Тот самый коридор коммуналки на окраине Твери. Желтый свет тусклой лампочки Ильича. Запах кислых щей из-за соседней двери. И звук. Скрежет ключа в замке. Не её замка. Чужого. Тяжелый, металлический, вибрирующий в костях скрежет металла о металл.

Тот самый звук, после которого маленькая Ева замирала под кроватью, сжимая в руке кухонный нож для резки хлеба, и молилась только об одном: чтобы отчим был слишком пьян, чтобы найти её сразу.

Реальность возвращалась медленно, фрагментами пазла. Кожаный диван Воронов-тауэр. Нет, это её кушетка из ИКЕА. Запах озона и дорогого парфюма сменился запахом сырости и остывшего кофе. Но фантомное ощущение чужих рук на талии осталось. Нервная система всё еще помнила вес Максима, прижимающего её к стене фонтана в театре. «Дыши. На мой счет».

Телефон лежал на полу. Старый кнопочный Nokia мигал красным диодом — индикатор разряжающейся батареи. Последняя искра жизни в этом склепе.

Ева подтянула телефон к себе. Экран ожил ядовито-зеленым светом. Одно непрочитанное сообщение. Время отправки — 16:45. Пока она спала мертвым сном профессионального выгоревшего человека.

Отправитель: [МАРК]

Текст:

Объект «Лаврова». Статус: Стабилен. Дыхание синхронизировано.

Ниже прикреплен файл.

[ВИДЕО_ФАЙЛ: IMG_8842.MP4]

Пальцы Евы, обычно такие ловкие и точные, вдруг одеревенели. Она нажала на воспроизведение.

Экран вспыхнул. Черный квадрат превратился в окно.

Это было вертикальное видео, снятое явно скрытой камерой. Камера смотрела сверху вниз, из угла огромного кабинета. Полированный дубовый стол занимал половину кадра. На нем — идеальный порядок. Ни одной лишней бумаги. Только тяжелая хрустальная пепельница и стакан с недопитым виски.

В кресле сидел Максим.

Он не выглядел как CEO. Никакой брони Brioni. Простая черная водолазка, растянутая на локтях. Волосы в беспорядке. Плечи опущены так низко, словно на них давила сама гравитация башни. Он смотрел в одну точку перед собой — туда, где должен был быть монитор, но сейчас экран ноутбука зиял слепящей пустотой выключенного режима ожидания.

Максим поднял руку. Достал из внутреннего кармана портсигар. Серебряный, тяжелый. Щелкнул зажигалкой Zippo. Огонь на секунду осветил его лицо снизу, превращая черты в маску демона. Глубокие тени залегли в глазницах.

Он затаился. Выпустил дым. Кольцо сизого тумана поплыло вверх, растворяясь в темноте кабинета.

Затем он заговорил. Голос шел через динамик телефона, лишенный всякой обработки, хриплый, сорванный, похожий на рычание зверя, сидящего в капкане.

— Они прислали письмо, — сказал Максим в пространство. Он говорил сам с собой, камера снимала исподтишка, интимность момента резала ножом по живому. — От Кречетова. Личный мейл. Текст... забавный. «Уважаемый господин Воронов. Мы ценим вашу попытку сохранить лицо. Это было красиво. Театрально. Почти трогательно. Как монолог нищего у ворот Версаля».

Максим усмехнулся. Криво, одними губами. Глаза остались холодными.

— «Но театр закончился, Макс. Выходят люди с факелами. Завтра в девять утра биржа откроет торги без обеспечения "Горизонта". Мы заберем всё. До последнего кирпича. А твоя маленькая актриса...»

Он сделал паузу. Медленно стряхнул пепел прямо на полированный паркет.

— «...превратится в очень наглядный пример того, что бывает с теми, кто играет против системы. У неё ведь мать больна, кажется? Диализ стоит дорого. Особенно когда нет страховки».

На экране рука Максима дрогнула. Он поставил стакан на стол слишком быстро. Звук получился громким, деревянным.

Он наклонился вперед. Оперся локтями о колени. Уставился в камеру. Взгляд серых глаз заполнил весь экран смартфона Евы. Казалось, он смотрит прямо на неё сквозь время, расстояние и объектив чужой камеры.

— Знаешь, чего я хочу больше всего на свете прямо сейчас, Лаврова? — голос стал тише, интимнее, перешел в тот регистр, который предназначался только ей. Низкий, грудной, вибрирующий от едва сдерживаемой ярости. — Я хочу зайти в их серверную. Найти стойку Штейна. И смотреть, как горит его массив данных. Медленно. По одному сектору. Чтобы видеть, как плавают цифры его миллиардного состояния.

Он снова затянулся. Огонек сигареты отразился в черных зрачках.

— Проблема в том, что они знают правила. Юристы Измайлова уже готовят ходатайство о принудительной госпитализации меня по состоянию психического здоровья. Справка есть. Подпись главного психиатра города оплачена. Если я подпишу контракт с Алисой добровольно — активы уходят семье. Если меня признают невменяемым — активы уходят государству, а потом выкупаются ими же за копейки. Идеальный чек-mate.

Он раздавил окурок в пепельнице. Резко, с силой, превращая табак в пыль.

— Кроме одного сценария. Ультиматума наоборот.

Максим встал. Одним текучим движением хищника. Подошел к панорамному окну. Обернулся. В отражении стекла его лицо казалось разбитым на осколки.

— Женись на мне, — прошептал он в темноту комнаты, зная, что микрофон камеры запишет каждое слово. — По-настоящему. Сегодня. Здесь. Перед камерами всех федеральных каналов, которые я соберу в этой гостиной. Сделай этот фарс настолько реальным, чтобы у Кречетова случился инфаркт прямо на заседании совета. Нам нечего терять, кроме вежливости. А у тебя отлично получается плевать людям в суп.

Видео оборвалось резко. Черный экран. Логотип устройства записи.

File size: 00:42 sec.

Location: Voronov Tower. Private Office.

Encryption: None.

Ева сидела на диване, глядя в погасший экран Nokia. Пальцы, сжимающие пластик аппарата, побелели.

Сообщение пришло минуту назад. Он отправил это час назад. Сидел там,пил свой яд и записывал признание в терроризме. Отправлял ей. Через закрытый канал связи деда. Давая ей оружие.

Она подняла взгляд. Посмотрела на свое отражение в черном стекле окна. Бледное пятно лица. Растрепанные волосы. Женщина, которая только что получила контрольный пакет акций мести.

Ева встала. Боль в мышцах после вчерашнего танца и сегодняшнего сна на жестком диване пульсировала тупыми ударами. Но внутри, там, где раньше была звенящая пустота выжженной степи, разгорался ровный, горячий огонь. Угольки тлели, готовые вспыхнуть пожаром.

Она подошла к своему старому рюкзаку, валявшемуся в углу. Рюкзак времен студенчества, потертый, с брелоком-смайлом. Вытащила оттуда косметичку. Внутри, среди тюбиков дешевой туши, лежал одноразовый кнопочный телефон второй линии. Купленный в переходе метро неделю назад. Без имени. Без истории. Только номер Марка.

Ева достала аппарат. Стерла отпечатки пальцев мягкой тканью. Сунула его в карман платья.

Затем она подошла к входной двери. Прислушалась. В подъезде стояла мертвая тишина. Даже сосед-алкоголик перестал мучить гитару.

Она вернулась в комнату. Открыла ноутбук Макса, брошенный на столе. Старая модель, купленная им года три назад, когда он еще пытался казаться демократичным. Пароль подошел с первого раза. Его день рождения. Самый предсказуемый код в мире.

Рабочий стол. Папка «Drafts». Архив.

Файлы PDF. Десятки страниц скучного юридического текста. Брачный договор. Соглашение о неразглашении. Медицинское заключение о дееспособности.

Ева открыла последний документ. Приложение №4. «Регламент совместного проживания».

Раздел: «Бытовой уклад».

Пункт 14.8. «Супруги обязуются поддерживать видимость эмоциональной привязанности для предотвращения паники акционеров...»

Она усмехнулась. Выделила текст курсором. Нажала Delete.

Компьютер спросил: «Удалить безвозвратно?»

Ева нажала «Да».

Закрыла крышку ноутбука.

Подошла к зеркалу в прихожей. Посмотрела на себя в последний раз. Девочка из Марьино умерла вчера в библиотеке. Осталась только Ева Лаврова. Хищник, запертый в золотой клетке, которой надоело притворяться канарейкой.

Она взяла с вешалки единственное приличное пальто Максима. То самое, кашемировое, пахнущее его парфюмом и дымом. Накинула на плечи. Размер оверсайз скрывал отсутствие оружия под одеждой.

Проверила замок на двери. Плотно. Два оборота.

Спустилась по лестнице пешком. Семь этажей бегом вниз, прыгая через две ступеньки. Легкие горели морозным воздухом. Кровь гудела в ушах.

На улице мело. Настоящая русская зима. Белая смерть, пришедшая по их души.

Ева подняла воротник чужого пальто. Вышла на проезжую часть. Подняла руку.

Первая же машина — раздолбанная Kia Rio с шашечками цвета слоновой кости — вильнула к бордюру.

— Куда, красавица? — высунулся водитель, типичный гастарбайтер с уставшими глазами.

— Большой Черкасский переулок, — ответила Ева. Голос звучал ровно. — Министерство цифрового развития. Главное здание. Вход со двора.

Она села на заднее сиденье. Захлопнула дверь, отрезая вой ветра.

В кармане пальто завибрировал тайный телефон. Короткая серия импульсов. Сообщение. Ева достала Nokia. Экран зеленовато светился в полумраке салона.

[МАКСИМ]

План утвержден. Марк выдвигается. Ты — приманка. Действуй естественно. Будь сухой. Они любят сук.

P.S. Забери по дороге пиццу. Маргариту. Мне нельзя глютен, но сегодня можно всё.

Ева посмотрела на свои руки. Разжала кулак. На ладони остался красный след от впившегося шнура сумки.

Она улыбнулась. Медленно, опасно, обнажая зубы в полумраке такси.

— Белый дом прессы знаете? — спросила она водителя. — Площадь Никитских ворот.

— Там пробки дикие, метель...

— Включайте сирену, — перебила она, доставая из кармана пресс-карту несуществующего издания. — У нас спецвыпуск. Горит министерство правды.

Водитель нервно сглотнул, покосившись на странную пассажирку в театральном платье и мужском пальто. Затем посмотрел на фальшивое удостоверение. Перевел взгляд на дорогу.

Выключил музыку. Включил проблесковый маячок на приборной панели — дешевую китайскую подделку, синяя вспышка которой заставляла другие машины шарахаться в стороны скорее от удивления, чем от страха.

Машина дернулась с места, встраиваясь в поток.

За стеклом кружился снег. Москва исчезала в белой мгле.

Ева откинулась на сиденье, закрыв глаза.

Адреналин наконец догнал нервную систему ударной волной. Зубы начали выбивать дробь, но не от холода.

От предвкушения.

Война официально объявлена. Связи нет. Помощи ждать неоткуда.

До рассвета оставалось двенадцать часов.

Часть 6. Белый шум и красная помада (14:00 – 15:30)

Здание Министерства цифрового развития на Большой Никитской дышало бюрократией. Это был храм советского модернизма, переживший три реконструкции, пять дефолтов и смену

трех политических режимов, но сохранивший главное — ощущение абсолютной незыблемости бетона. Здесь время текло иначе. Оно густело в очередях, оседало пылью на казенных папках и умирало в синем свете люминесцентных ламп.

Ева вошла через боковой вход для курьеров. Пальто Максима, надетое поверх её тонкого платья, пахло чужим успехом и табаком. В кармане лежал телефон Марка — холодный кусок пластика, ставший детонатором.

Охранник на входе скользнул по ней взглядом профессионального патологоанатома. Оценил дешевую обувь, отсутствие брендовой сумки, уставшее лицо.

— Куда? — буркнул он, даже не потянувшись за сканером пропусков.

— Курьерская доставка, — Ева протянула ему планшет с электронным пропуском. На экране светилась QR-метка компании «ТрансЛогистик».

Ложь была настолько наглой, что сработала безотказно. Люди в форме видят то, что ожидают увидеть. Они ждали покорную девочку-курьера, пришедшую привезти латте для секретарши замначальника отдела закупок. Они увидели именно это.

Шлагбаум поднялся.

Коридоры министерства гудели низким гулом вентиляции. Ева шла сквозь толпу клерков — серых людей в серых костюмах, уткнувшихся в смартфоны. Она двигалась против течения, как лосось на нересте, излучая ту самую ауру опасной неадекватности, которая заставляет охрану обходить тебя стороной. Сумасшедших боятся больше, чем вооруженных.

Она поднялась на лифте на двенадцатый этаж. Департамент архивации данных. Двери разъехались с тихим шипением, выпуская её в стерильный коридор цвета операционной.

Здесь запах озона был почти невыносимым. Он смешивался с запахом старой бумаги и страха мелких чиновников перед увольнением.

Кабинет №1204. Заместитель начальника архива. Некий господин Сеницын. Человек, чье лицо было создано Богом исключительно для того, чтобы выражать глубокую скорбь от несовершенства мироздания и потерю накладной на картриджи.

Ева постучала. Не дожидаясь ответа, толкнула дверь.

Сеницын поднял голову от бумаг. Очки съехали на кончик носа. Лицо его выразило вселенскую муку человека, которого отвлекли от подсчета ангелов на острие иглы.

— Служба доставки корпорации «Воронов Капитал», — отчеканила Ева, входя внутрь. Голос её звучал ровно, металлически, лишенный всяких интонаций. Идеальный голос робота-убийцы из низкобюджетного сай-фая. — Пакет для господина Сеницына. Лично в руки. Под роспись.

Она положила на стол тяжелый конверт из крафтовой бумаги. Никаких логотипов. Только сургучная печать. Реликт прошлого века.

— Мне ничего... я не заказывал... — пролепетал чиновник, пытаясь спрятать дрожащие руки под стол. — У нас тендер только через квартал...

— Это внеплановая рассылка, — перебила Ева. — Указание службы безопасности. Распишитесь здесь.

Она ткнула в него сенсорным экраном планшета. Палец замер над полем подписи.

Синицын сглотнул. Его кадык дернулся, как поплавков при поклевке щуки.

— Я... я не могу принимать корреспонденцию без регистрации в журнале входящих...

— Регистрация будет произведена удаленно, — Ева улыбнулась той самой улыбкой Пьеро, которой вчера пугала Алису Измайлову. Широкой, мертвой, обнажающей все зубы. — Или мне внести вас в протокол как препятствующего деятельности службы корпоративной защиты?

Чиновник сломался. Взять ручку его заставил древний, первобытный страх перед человеком, который смотрит сквозь тебя. Он расписался. Криво. Буквы прыгали.

Ева выхватила стилус. Разблокировала экран. Открыла вложение. Видео файл. Нажала Play.

На экране возник кабинет Максима. И сам Максим. Говорящий о Кречетове. О справках. О безумии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.